

УДК 930.23

**ОТ БАТУ ДО ДЖАНИБЕКА: ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
УЛУСА ДЖУЧИ С ПОЛЬШЕЙ И ВЕНГРИЕЙ (1)****Р. Хаутала^{1,2}**¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
90014, Оулу, Финляндия
E-mail: virisequisque@hotmail.com*

Автор настоящей статьи рассматривает ряд военных конфликтов Улуса Джучи с Венгрией и Польшей, последовавших за первым вторжением татар в эти земли в 1241 году. По большей части анализ автора основывается на сведениях синхронных латинских источников, сопоставленных с информацией, которая содержится в русских летописях и мамлюкских хрониках. Помимо венгерских, польских и германских хроник, автор прибегает к рассмотрению содержания папских посланий в Восточную Европу, которые предоставляют как наиболее достоверную информацию о военных конфликтах, так и сведения о мерах папской курии по усовершенствованию обороны восточных границ Латинского мира от набегов татар.

Статья рассматривает политические события в хронологическом порядке, согласно правлению джучидских правителей. В период правления Бату латинские источники выказывают чрезвычайную озабоченность в отношении возможного возобновления западной экспансии татар несмотря на то, что в действительности татарская военная активность на восточных границах католической Европы имела крайне незначительный характер. В период правления Берке, напротив, татары осуществили крайне разрушительный набег на Малую Польшу. Однако дальнейшая татарская экспансия была прервана неожиданным распадом монгольской империи. Последующее правление хана Менгу-Тимура отличалось относительной напряженностью в отношениях с католической Европой, но действительные нападения на Венгрию и Польшу были осуществлены только при ханах Туда-Менгу и Тула-Буга.

В дальнейшем, при ханах Токте и Узбеке, напряжение в отношениях между Золотой Ордой и католической Европой значительно ослабло, что, в частности, позволило Венгрии начать территориальную экспансию в Молдавии. Однако конец правления хана Узбека был охарактеризован резким обострением отношений между Золотой Ордой и Польшей, что было связано с началом войны за Галицкое наследство. Анализ хода этой войны показывает очевидное ослабление влияния Золотой Орды на земли бывшего Галицко-Волынского княжества, которое способствовало последующей экспансии Польши и Литвы на территории современной Украины.

Ключевые слова: Золотая Орда, католическая Европа в Средневековье, татарские инвазии, папская курия, анти-татарские крестовые походы, латинские источники.

Для цитирования: Хаутала Р. От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 272–313.

Польский минорит Ц. де Бридиа, автор первого отчета о восточной миссии папского легата Иоанна де Плано Карпини¹, резюмировал результаты изначального дипломатического контакта между Латинским миром и недавно образованной чингизидской империей в следующих словах: “Итак, следует знать, что согласно тартарам и некоторым другим, механизм этого обитаемого мира делится на две главные [части]; а именно: на восточную и западную, простирающиеся от места восхода солнца до места его захода в летнее и зимнее время. Запад же начинается от земли Ливонии и продолжается от Пруссии вплоть до Греции и далее и заключает в себе вселенскую церковь католической веры. Отчего и тартары признают апостольскую власть ‘великого папы’ по всему западу. Оставшаяся же часть называется восточной, в которой располагается земля тартар, где восток сходится с севером, соседствуя с северным морем-океаном. И она зовется Моал”². Таким образом, Ц. де Бридиа не только очерчивал границы Европы, охарактеризованной доминированием католической религии, но и констатировал подчинение основной части евразийского континента монгольской империи, отныне непосредственно граничившей с Латинским миром. Кочевническая империя представлялась незыблемым государственным объединением, и католическая Европа была поставлена перед необходимостью урегулирования новых политических взаимоотношений, где главная роль отводилась главе Римской церкви.

Достижению актуальных внешнеполитических целей была посвящена уже сама миссия Иоанна де Плано Карпини, отправившегося на Восток по распоряжению папы Иннокентия IV. Папский легат покинул Лион 16 апреля 1245 года, достиг ставки Бату 4 апреля следующего года и, по требованию Бату, проследовал в Монголию, прибыв в ставку Гуюка в Сира Орде 22 июля 1246 года. После относительно длительного пребывания в Монголии Иоанн де Плано Карпини получил разрешение вернуться в Европу 13 ноября 1246 года и вернулся в Лион 18 ноября 1247 года [91, p. 89, 94; 63, p. 37, 57, 59]. По словам брата Иоанна [63, Prologus 2, p. 228, 337–338], ему было поручено собрать всевозможные сведения о татарах, в первую очередь военного характера. В восьми первых главах его отчета повсеместно встречается информация о боевых силах кочевников, и, в частности, восьмая глава описывает способы ведения войны против татар [73, p. 91].

¹ Ц. де Бридиа написал свою “Историю тартар” во францисканском конvente Кракова 30 июля 1247 года [95, p. 54; 105, p. 374; 110, p. 40, 42]. По большей части он основывался в своем отчете на устном докладе Бенедикта Полония, спутника Иоанна де Плано Карпини. Однако его “История” включает ряд деталей, не встречающихся ни в отчете Бенедикта Полония, ни в тексте самого брата Иоанна. Поэтому резонно было бы предположить, что Ц. де Бридиа лично побывал на территории татар и, возможно, был среди тех спутников Иоанна де Плано Карпини, которые, по словам брата Иоанна, удерживались в улусе Мауци в левобережной Украине вплоть до его возвращения из Монголии [63, ix, 18, p. 312, 386; 72, p. 233].

² *Sciendum igitur quod secundum Tartaros et quosdam alios habitabilis mundi huius machina diuiditur in duas principales [partes], orientalem uidelicet et occidentalem, large sumptas secundum quod sol oritur et occidit estiuo tempore et brumali. Inchoatur autem occidens a terra Liuonie et uadit a Prusia usque in Greciam et deinceps et continet in se uniuersam ecclesiam catholice fidei. Vnde et Tartari appellant apostolicum ‘magnum papam’ per totum occidentem. Reliqua uero pars dicitur orientalis, in qua posita est terra Tartarorum ubi oriens iungitur aquiloni, habens contiguum mare oceanum aquilonis, et appellatur Moal [48, 2, p. 4].*

Однако более важной целью дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини было доставить татарскому правителю послания Иннокентия IV, в которых понтифик выказывал геополитические амбиции, схожие с чингизидскими претензиями на мировое владычество, и требовал отчета за недавнее нападение на католические территории для выяснения ближайших намерений главы кочевнической империи. В первую очередь послание папы “*Dei patris immensa*”, адресованное 5 марта 1245 года “царю и народу тартар с пожеланием познать путь истины”³, содержало призыв приобщиться к христианской вере и служило цели провозглашения примата папской власти. Понтифик настаивал на своей личной обязанности контроля над нравственным уровнем людей в силу своей преемственности власти апостола Петра, заместника Христа, и указывал на особые полномочия в вынесении вердикта о моральном поведении людей и, в частности, татарского хана [77, no. 20, s. 143–144].

Второе письмо папы, “*Cum non solum*” (от 13 марта 1245 года), содержало порицание правителя татар за недавнее нападение и продолжающуюся агрессию и побуждение исполнить акт покаяния: “Поскольку не только люди, но и неразумные животные, как и элементы мирового механизма соединены в одно неким врожденным союзом по примеру высших духов, чьи сонмы Бог, творец всего сущего, разделил вечным постоянством мирного распорядка; не без основания мы вынуждены выразить крайнее изумление по поводу того, что вы, как мы слышали, напав как на христианские, так и другие области, и разорив их ужасающим опустошением, в неустанном неистовстве до сих пор не прекращаете простирает хищнические руки к дальнейшим пределам и, разрывая связь естественного родства и не щадя ни пола, ни возраста, вы свирепствуете против всех без различия, предавая всех мечу. Мы поэтому, следуя примеру миролюбивого Царя и желая жить в единстве мира из страха перед Богом, побуждаем всех вас, просим и настоятельно увещеваем, дабы, полностью воздержавшись в дальнейшем от этих нападений и в особенности от преследования христиан, вы умиротворили гнев божественного величия, без сомнения, вызванный всеми вашими столь тяжкими преступлениями, посредством надлежащего исполнения акта покаяния”⁴.

В ответном письме великий хан Гуюк в свою очередь выражал явное раздражение в отношении идеологических амбиций папы только на основе его верховенства в среде католического мира. По мнению Гуюка, недавние военные успехи татарской армии являлись более весомым аргументом в доказательстве особой симпатии Всевышнего: “Серия твоих писем содержала

³ Regi et populo Tartarorum viam agnoscere veritatis [77, no. 20, s. 142].

⁴ Cum non solum homines verum etiam animalia irrationalia nec non ipsa mundialis elementa machine quadam nativi federis sint unione coniuncta, exemplo supernorum spirituum, quorum agmina universorum conditor deus perpetua pacifici ordinis stabilitate distinxit, mirari non inmerito cogimur vehementer, quod vos, sicut audivimus, multas tam Christianorum quam aliorum regiones ingressi, horribili eas desolatione vastatis, et adhuc continuato furore depopulatricis manus ad ultiores extendere non cessantes, soluto cognationis vinculo naturalis, nec sexui nec etati parcendo, in omnes indifferenter animadversionis gladio desevis. Nos igitur, pacifici regis exemplo cunctos in unitate pacis sub dei timore vivere cupientes, universitatem vestram monemus, rogamus et hortamur attente, quatinus ab impugnationibus huiusmodi et maxime Christianorum persecutionibus de cetero penitus desistentes, super tot et tantis offensis divine maiestatis iram, quam ipsorum exacerbatione vos non est dubium graviter provocasse, per condigne satisfactionem penitentiae complacetis [77, no. 21, s. 147–148].

заклучение, что мы должны креститься и стать христианами. На что мы отвечаем тебе коротко, что мы не понимаем, почему мы должны это сделать? На другое, что содержалось в твоих письмах, а именно на то, что ты поражен убийством стольких людей и в особенности христиан, прежде всего поляков, моравов и венгров; мы отвечаем тебе таким же образом, что мы этого не понимаем ... Мы в свою очередь, поклоняясь Богу, силою Бога опустошили всю землю от востока вплоть до запада. И если бы это не было волей Бога, что могли бы сделать люди?”⁵.

Любопытным, однако, представляется то, что Гуюк воспринял цель посольства брата Иоанна как попытку признания папой своего подчинения татарам [111, р. 90]. Утверждение Иннокентия IV об исключительно мирном характере миссии Иоанна де Плано Карпини воспринималось в контексте татарского представления о дипломатической деятельности в период единства империи: установление мира с татарами означало одновременно безусловное подчинение ханской власти⁶. С точки зрения татар, сам брат Иоанн подтверждал намерения понтифика уже при первом контакте с кочевниками в западных пределах Джучидов: “Мы ответили им, что были послами господина папы, господина и отца христиан, который послал нас как к царю, так и к властителям и всем тартарам по той причине, что ему было угодно, чтобы все христиане были друзьями тартар и имели с ними мир”⁷. Поэтому Гуюк выражал одобрение неправильно понятому намерению папы, но тем не менее отказывал ему в установлении мирных отношений вплоть до личного изъявления покорности понтифика в ставке хана: “Силою Бога, император всех людей, великому Папе подлинное письмо, не оставляющее никаких сомнений. Проведя совет, чтобы иметь с нами мир, ты, Папа, и все христиане, послал к нам посла, как мы услышали от него и как написано в твоём письме. Следовательно, если вы желаете иметь с нами мир, ты, Папа, и все короли и властители⁸, никоим образом не откладываете прийти ко мне для

⁵ *Tuarum continebat series litterarum, quod deberemus baptizari et effici christiani. Ad hoc tibi breviter respondemus, quod hoc non intelligimus qualiter hoc facere debeamus. Ad aliud quod etiam in tuis litteris habebatur, scilicet quod miraris de tanta occisione hominum et maxime christianorum et potissime Pollonorum, Moravorum et Ungarorum, tibi taliter respondemus quod etiam hoc non intelligimus ... Nos autem Deum adorando in fortitudine Dei ab oriente usque in occidentem delevimus omnem terram. Et si hec Dei fortitudo non esset, homines quid facere potuissent?* [44, 13, p. 143].

⁶ Показательна в данном контексте реакция татар на визит в ставку великого хана Мунке францисканца Гийома де Рубрук, всеми силами избегавшего оставить впечатление, что целью его миссии было бы изъявить подчинение французского короля Людовика IX ханской власти: “И они поражались, продолжая повторять: ‘Зачем вы тогда пришли, если не для того, чтобы заключить мир?’. Ибо они стали настолько надменными, что верят, что весь мир желает заключить с ними мир” (*Et ipsi mirabantur semper repentes: “Quare uenistis, ex quo non uenistis facere pacem?”. Ipsi enim iam in tantam superbiam sunt erecti, quod credant quod totus mundus desideret facere pacem cum eis*) [66, xxviii, 2–3, p. 146; см. также: 73, p. 90].

⁷ *Quibus respondimus quod eramus nuntii domini pape, qui Christianorum dominus erat et pater, qui nos idcirco mittebat, tam ad regem quam ad principes et Tartaros omnes, quia placebat eidem quod Christiani omnes Tartarorum essent amici, et pacem haberent cum eis* [63, ix, 8, p. 306].

⁸ В параллельном персидском переводе послания Гуюка здесь было использовано уничижительное выражение “царьки” [73, p. 47].

определения условий мира. И тогда услышите наш ответ, как и равным образом нашу волю”⁹.

Согласно Иоанну де Плано Карпини, отказ от подчинения великому хану имел неизбежным следствием начало войны с татарами¹⁰. Более того, брат Иоанн утверждал, что Гуюк уже вынес решение о начале войны против Европы после своей интронизации на все-имперском курултае: “Вышеназванный хан Гуюк вместе со всеми правителями поднял знамя против церкви Бога и Римской империи и против всех королевств христиан и народов Запада”¹¹; и прибавлял к сказанному, что “на упомянутом же курултае были назначены воины и начальники войска ... Одно войско должно войти через Венгрию, другое – через Польшу”¹². Таким образом, Иоанн де Плано Карпини привез в Европу известие о намерении Гуюка возобновить экспансию на западе (не подтверждающееся ни одним ориентальным источником [74, p. 200]). Однако отдельное указание брата Ц. де Бридиа на разгоревшийся конфликт между великим ханом Гуюком и джучидским правителем Бату объясняло причину, помешавшую осуществлению этих планов: “Говорят, кроме того, братья, что [Бату] обратился из своей империи к Гуюку. Более того, между ними возник великий раздор. И если он продолжится далее, христиане получат передышку от татар на многие годы”¹³.

Защита Европы от потенциального татарского вторжения

Не дожидаясь окончания миссии Иоанна де Плано Карпини, папа Иннокентий IV принял определенные предохранительные меры для отражения возможной татарской агрессии против Европы. Первый Лионский собор католической церкви, начавшийся через два месяца после отправления брата Иоанна на Восток, уделил некоторое внимание татарской угрозе. После завершения собора понтифик сообщал в своей циркулярной булле ряду европейских правителей сущность шестнадцатого канона собора, содержавшего перечень мер, которые должны были обезопасить восточные границы Латинского мира: “по решению святого Собора мы увещеваем всех вас, вопрошаем и настоятельно побуждаем, повелевая, чтобы тщательно исследовав

⁹ Dei fortitudo, omnium hominum Imperator, magno Pape litteras certissimas atque veras. Habito consilio pro pace habenda nobiscum, tu Papa et omnes christiani, nuntium tuum nobis transmisisti sicut ab ipso audivimus, et in tuis litteris habebatur. Igitur si pacem nobiscum habere desideratis, tu Papa et omnes Reges et potentes, pro pace diffinienda ad me venire nullo modo postponatis, et tunc nostram audietis responsionem pariter atque voluntatem [44, 13, p. 142–143; см. также: 52, p. 208].

¹⁰ Sibi subiugare debeant omnem terram, nec cum aliqua gente pacem habere debeant, nisi subdatur eis [63, v, 18, p. 264; см. также: 63, vii, 5, p. 284–285, viii, 2, p. 293].

¹¹ Cuyuccan predictus erexit cum omnibus principibus vexillum contra Ecclesiam Dei et romanum Imperium, et contra omnia regna Christianorum et populos Occidentis [63, viii, 2, p. 294].

¹² In predicta autem curia sunt bellatores et principes exercitus assignati ... Unus exercitus debet intrare per Hungariam, secundus per Poloniam [63, viii, 4, p. 295; см. также: 63, viii, 5, p. 295, ix, 38, p. 323].

¹³ Dicunt preterea fratres quod [Bati] iam ad Cuiuc can ex ipsius imperio reuertatur. Insuper inter eos est discordia magna, que si processum habuerit, christiani poterunt per plures annos a Tataris respirare [48, 30, p. 21].

дорогу и подход, по которым этот народ [тартар] мог бы войти в вашу землю, вы позаботились укрепить их рвами или также стенами, либо другими строениями или теми сооружениями, которые вы сочтете целесообразными, таким образом, чтобы путь вторжения этого народа к вам не оказался беспрепятственным и об их вторжении можно было своевременно сообщить Апостольскому престолу для того, чтобы предназначить в связи с этим для вас помощь правоверных и дабы вы оказались, помощью Господа, защищенными от посягательства и нападения этого народа”¹⁴. Таким образом, своим постановлением собор целиком и полностью препоручал защиту от первого натиска агрессоров тем странам, которые граничили с Монгольской империей, откладывая на будущее рассмотрение вопроса об оказании военной помощи. В оправдание решения католических прелатов можно отметить обещание предоставить пропорциональную финансовую помощь для возведения фортификационных сооружений; которая должна была поступить тем не менее от церковных доходов стран, находившихся под непосредственной угрозой вторжения [36, no. 23, p. 55–56].

По замыслу участников собора и самого папы защитные укрепления на восточных границах Европы должны были временно сдерживать натиск неприятеля; однако ни король Венгрии, ни польские правители не получили ясных гарантий о предоставлении своевременной военной помощи с запада. Так, в своем послании от 30 января 1247 года Иннокентий IV писал венгерскому королю Беле IV: “мы настоятельно вопрошаем твою светлость и побуждаем, дабы, приготовившись к стойкому сопротивлению тартарам, ты не откладывал сообщить нам как можно скорее об их наступлении на твои края после того, как ты тщательно исследуешь и будешь иметь достоверные сведения об этом наступлении. Ты можешь быть уверен в том, что всем крестоносцам, оказывающим помощь Святой земле и империи Романии, и другим, где бы они не находились, мы незамедлительно прикажем спешно направиться к тебе на помощь”¹⁵. Таким образом, папа извещал Беле IV, что помощь Венгрии должна была поступить в рамках крестового похода [64, p. 298]. Однако Иннокентий IV не рассматривал той возможности, что за время переброски крестоносцев с Ближнего Востока или даже из Константинополя основная часть королевства могла быть опустошена татарами.

В свою очередь, под влиянием слухов о предполагаемом наступлении татар во главе с Гуюком, полученных как от Иоанна де Плано Карпини, посетившего венгерского короля в августе или сентябре 1247 года, так и от

¹⁴ *Sacro suadente concilio, universitatem vestram monemus, rogamus et hortamur attente mandantes, quatenus viam et aditus, unde in terram vestram gens ipsa posset ingredi, sollertissime perscrutantes, illos fossatis vel et muris seu aliis aedificiis aut artificiiis, prout expedire videritis, taliter praemunire curetis, quod eiusdem gentis ad vos ingressus patere de facili nequeat, sed prius Apostolicae Sedi huic denuntiari possit adventus, ut ea vobis fidelium destinante succursum, contra conatus et insultus gentis ipsius tuti esse, adiutore Domino, valeatis* [36, no. 23, p. 55].

¹⁵ *Celsitudinem regiam rogamus attentius et hortamur, quatenus ad resistendum eis viriliter te accingens, quam primo de ipsorum adventu ad partes tuas, quod diligenter investigari facias, intellexeris certa nova, nobis non differas intimare; Sciturus pro certo, quod in continenti omnes cruce signatos in succursu Terre sancte ac Imperii Romanie, ac alios ubicumque fuerint, in tuum cum festinatione succursum accedere faciemus* [107, I, no. 379, p. 203–204].

собственных послов, вернувшихся от татар [99, р. 203; 27, с. 134]¹⁶; Бела IV писал в своем ответном письме Иннокентию IV¹⁷: “Ибо изо дня в день до нас доходят слухи о тартарах, что они собрались не только против нас, вызывающих у них чрезвычайный гнев ... но и, более того, против всего христианства; и, как достоверно говорят многие достойные доверия [люди], они непоколебимо решили направить свое бесчисленное войско против всей Европы”¹⁸. Указав на тот факт, что оборона Венгрии должна была стать всеевропейским делом, Бела IV посчитал уместным напомнить, в каком жалком состоянии оказалось его королевство, оставленное один на один с татарами во время их первого вторжения: “Ибо мы просили в то время, когда тартары сражались против нас в нашем королевстве, по поводу совместного военного предприятия три главных курии всего христианства, а именно: вашу курию, которая считается всеми христианами и является госпожой и наставницей всех курий; и имперский двор, которому для этого мы решили подчиниться с условием, что во время упомянутого бедствия он предоставил бы нам соответствующую поддержку и помощь; мы обратились и ко двору франков – ни от кого из них мы не получили ни утешения, ни помощи, но только слова”¹⁹. Указав далее на то, что “мы даже принимаем в нашем королевстве куманов и – о горе! – защищаем наше королевство посредством язычников”²⁰; венгерский монарх, наконец, переходил к критике папской политики: “Ибо изумляет бесконечное множество мудрых людей то, что при нынешнем положении вещей вы, наш отец, позволили покинуть границы Европы королю Франции, столь прославленному члену Церкви. Поражает, скажу, и не перестает поражать то, что апостольская милость имеет попечение о многих, как об империи Константинополя и заморских краях. Но если – Боже упаси! – они будут уступлены, это не принесет столько вреда жителям Европы, сколько, если тартарам случится завладеть лишь нашим королевством”²¹.

Очевидно, папская курия недооценивала потенциал татарской угрозы и не собиралась пренебрегать собственными интересами, несмотря на настой-

¹⁶ Нора Беренд преуменьшает степень серьезности опасений Бела IV [45, р. 166–167], не принимая во внимания важность сведений, поступивших с Востока.

¹⁷ См. о правильной датировке этой буллы венгерского монарха в: [73, р. 79, nota 51].

¹⁸ *Rumores enim de Thartharis de die in diem nobis adveniunt, quod non solum contra nos, cui indignati sunt quamplurimum ... immo etiam contra totam christianitatem condixerunt, et prout a quam pluribus fide dignis pro certo dicitur, firmiter in brevi proposuerint contra totam Europam suum innumerabilem exercitum destinare* [107, I, no. 440, p. 231].

¹⁹ *Requisivimus enim, adhuc Thartharis in regno nostro dimicantibus contra nos, super conducto negocio tres tocus christianitatis principales Curias, scilicet vestram, que domina et magistra omnis Curie a christicolis creditur et habetur, et imperialem, cui etiam propter hoc nos submittere decreveramus, si tempore predictae pestilencie nobis competens auxilium impenderet et iuvamen; Francorum etiam Curiam requiri fecimus: de quibus omnibus nichil consolacionis vel subsidii recepimus, nisi verba* [107, I, no. 440, p. 231].

²⁰ *Cumanos etiam in regno nostro recepimus, et prohdolor per Paganos hodie regnum nostrum defendimus* [107, I, no. 440, p. 231].

²¹ *Admiratur enim quam plurimum sapientium multitudo, eo quod rebus ut nunc sic se habentibus Regem Francie, tam nobilem membrum Ecclesie, de Europe finibus vestra paternitas licenciari sustinuit. Admiratur inquam et admirari non desinit, eo quod apostolica clemencia multis provideat, sicut Constantinopolitano imperio et ultramarinis partibus, que si ammitterentur, quod absit, non tamen nocerent Europe habitatoribus, quantum si regnum nostrum solum a Thartharis contingeret possideri* [107, I, no. 440, p. 231–232].

чивые требования венгерского монарха. Иннокентий IV приложил свои основные усилия достижению альтернативных и более актуальных политических целей, на которые указывал королю Беле IV в 1259 году преемник понтифика, папа Александр IV, как на всем известное явление: “Несомненно весь мир знал, и ты, будучи его высокородной частью, не мог не осознать вместе с миром, что в то время, когда ты молил церковь об одобрении предоставления помощи, тогдашний император Ф[ридрих] свирепо подвергал Апостольский престол жестокой тирании”²². Еще за полгода до проведения Лионского собора папа Иннокентий IV рекомендовал архиепископу Санса Эгидию, главе проповедников нескольких синхронных крестовых походов во Франции, подчеркивать первоочередную важность организации военной кампании против императора Фридриха II Гогенштауфена [96, II, no. 78, p. 57]. По завершению собора пропаганда крестового похода против императора распространилась на германские территории, где внутренний конфликт затянулся на десятилетия [104, p. 356]; что в свою очередь объясняет отказ Иннокентия IV и его преемников предоставить конкретную военную поддержку венгерскому монарху.

К чести для Иннокентия IV следует отметить, что в компенсацию своему пренебрежению безопасностью венгерского королевства понтифик попытался создать коалицию русских княжеств и Тевтонского ордена для организации “своего рода сигнальной системы на восточных границах христианства”, заимствуя выражение Веры Матузовой [19, с. 360]. В частности, своим посланием, адресованным 3 мая 1246 года Ярославу Всеволодовичу (отцу Александра Невского), папа инициировал переговоры по поводу организации отпора татарам. Здесь сразу же будет уместно подчеркнуть тот факт, что, с точки зрения понтифика, планируемые переговоры должны были способствовать достижению конкретных целей Апостольского престола. В своей булле Иннокентий IV ясно указывал на то, что главной целью дипломатического контакта было заключение унии с русской православной церковью. Организация сопротивления татарам стояла на втором плане, и только в конце послания, рекомендуя носителя письма, архиепископа Пруссии, Ливонии и Эстонии и легата Апостольского престола, Альберта фон Зуербеер, Иннокентий IV писал великому князю Ярославу: “мы побуждаем твою королевскую светлость, просим и настоятельно увещеваем, повелевая, чтобы этому же легату по поводу этого и против тартар ты оказал совет, помощь и благосклонность”²³.

Неясно, насколько успешными оказались эти переговоры, но в следующем послании от 23 января 1248 года, адресованном, на этот раз, сыну Ярославу, Александру Невскому, Иннокентий IV утверждал, ссылаясь на слова Иоанна де Плано Карпини, что суздальский князь принял унию на смертном одре в ставке Гуюка: “как узнали мы из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена меньших братьев, нашего пени-

²² *Mundus certe universus agnovit, et tu egregia universitatis eius portio non potes non sensisse cum mundo, quod ea tempestate, qua ecclesiastice subventionis implorasti suffragium, F. quondam Imperator accerrima in sedem apostolicam tyrannide seviebat* [107, I, no. 454, p. 239].

²³ *Serenitatem regiam rogamus, monemus et hortamur attente, mandantes, quatenus eidem Legato super hiis et contra Tartaros impendas sibi consilium, auxilium et favorem* [36, no. 26a, p. 66–67].

тенциария, направленного к народу тартар, этот же отец твой ... набожно и смиренно дал обет послушанию Римской церкви, матери своей, на руках этого же брата”²⁴. Упомянув похвальное решение отца Александра, понтифик призывал князя последовать его примеру: “итак, желая, чтобы ты, будучи законным наследником отцовского наследия, вместе с ним приобщился к столь великому блаженству ... мы прилагаем усилия и проявляем усердие благоразумно склонить тебя к этому, дабы ты последовал по отцовским следам”²⁵. Но далее Иннокентий IV уделял значительно больше внимания организации отпора татарам: “поскольку опасности можно избежать с меньшим трудом, если мы укрепимся против нее щитом предусмотрительности, мы просим как об особой услуге, дабы, как только у тебя не будет сомнений, что войско тартар направило свои стопы в сторону христиан, ты позаботился как можно быстрее оповестить об этом братьев из Тевтонского дома, пребывающих в Ливонии, чтобы, когда это известие достигнет нас посредством этих же братьев, мы могли бы подумать более своевременным образом, как, Божьей помощью, мужественно противостоять этим тартарам”²⁶.

Таким образом, в обмен на согласие заключить церковную унию и оповестить папскую курию об агрессивных намерениях татар, новгородский князь получил довольно ненадежное обещание военной поддержки с запада. Тем не менее князь Александр временно принял условия папы, что явствует из проникнутого энтузиазмом ответа Иннокентия IV от 15 сентября 1248 года: “Господь отверз очи твоего рассудка и наполнил твои чувства лучами своей ясности, поскольку, как мы доверенно узнали из сообщения преподобного брата нашего, архиепископа Пруссии, легата Апостольского престола, ты преданно искал и благоразумно нашел тропу справедливости, по которой ты смог бы достичь счастливым и кратчайшим путем врат рая”²⁷. Понтифик с радостью констатировал принятие Александром личной унии с Римской церковью и намерение новгородского князя способствовать основанию новой католической епархии в Пскове: “ты просил самым благоверным образом быть присоединенным через истинное послушание к главе этой же церк-

²⁴ Sicut dilecto filio fratre Johanne de Plano Carpino de Ordine fratrum Minorum, poenitentiario nostro, ad gentem Tartaricam destinato, referente didicimus, idem pater tuus ... obedientiae Romanae Ecclesiae matris suae in eiusdem fratris manibus devote ac humiliter se devovit [36, no. 59, p. 110–111]. Отчет самого брата Иоанна не содержит этих сведений [63, ix, 37, p.323].

²⁵ Cupientes itaque te una cum ipso tantae beatitudinis participem fieri, qui in paterna haereditatae suus haeres legitimus extitisti ... apponimus studium et diligentiam adhibemus, ut ad hoc te prudenter possimus inducere, quod tui patris vestigia salubriter imiteris [36, no. 59, p.111].

²⁶ Quia pericula possunt facilius evitari, si contra ipsa per providentiae clipeum muniamur, pro speciali munere petimus, ut quamcito tibi constiterit, quod Tartarorum exercitus versus christianos dirigat gressus suos, id quamtotius Fratribus de Domo Theutonica in Livonia commorantibus intimare procures, ut cum istud per eosdem Fratres ad notitiam nostram pervenerit, qualiter ipsis Tartaris viriliter cum Dei adiutorio resistamus, maturius cogitare possimus [36, no. 59, p. 112]. Иннокентий IV адресовал схожие инструкции тевтонским рыцарям в Пруссии [36, no. 58, p. 109].

²⁷ Aperuit Dominos oculos tuae mentis et tuis infundit sensibus sui luminis claritatem, quia, sicut a venerabili fratre nostro archiepiscopo Prusciae, Apostolicae Sedis Legato, accepimus intimante, tu quaesisti fideliter et invenisti prudenter directionis semitam, per quam sub felici posses compendio ad paradisi ianuam pervenire [36, no. 65, p. 117].

ви в качестве ее члена, страстно желая, в знак этого послушания, возвести кафедральную церковь латинян в твоём городе Пскове”²⁸.

Очевидно, что Александр принял решение о заключении личной унии с Римской церковью между датами составления обоих посланий папы, то есть между январем и сентябрем 1248 года. Возможно, это решение было принято Александром во время его пребывания в ставке Бату весной 1248 года, перед отправлением новгородского князя в Монголию для подтверждения своего права на правление²⁹. Вероятно, Александр Невский не был полностью уверен в позитивном исходе своей поездки и посчитал уместным заручиться поддержкой папы для подтверждения легитимности своей власти. Однако его опасения оказались напрасными: Огуль-Гамиш, вдова Гуюка и регентша монгольской империи, утвердила за Александром княжение в “Киеве и всей Русской земле”. Возможно, постановление Огуль-Гамиш не вполне удовлетворяло надежды Александра, поскольку фактическая власть во Владимирском княжестве была закреплена за его братом Андреем. Как бы то ни было, решением Огуль-Гамиш власть в Северо-Восточной Руси была передана дому Ярослава Всеволодовича. По возвращению из Монголии Александр более не нуждался в поддержке Иннокентия IV и отказался от соблюдения условий церковной унии, прервав, тем самым, дипломатические сношения с папской курией [19, с. 329; 5; 6; 23, с. 271].

Более перспективными оказались переговоры Иннокентия IV с Даниилом Галицким. Папский легат Иоанн де Плано Карпини попытался вступить в контакт с галицким князем еще по дороге из Польши в ставку Бату. Но во время своего первого визита галицкого княжеского двора брат Иоанн не смог встретиться с Даниилом Романовичем, поскольку тот отправился в ставку Бату, чтобы признать формальную зависимость от главы джучидского улуса при условии сохранения значительной автономии Галицко-Волынского княжества. Тем не менее Иоанн де Плано Карпини имел возможность встретиться в Галиче с местными православными прелатами, чтобы представить им и брату Даниила, Василько, содержание отдельного папского послания “Cum simus super” с призывом воссоединения восточной и западной церквей. По словам брата Иоанна, призыв понтифика был принят чрезвычайно доброжелательно, но ратификации унии помешало отсутствие на месте Даниила [63, ix, 3, p. 304; 73, p. 94]. Однако при повторном посещении галицкого княжеского двора, после своего возвращения из Монголии (9 июня 1247 года), брат Иоанн уже смог встретиться с Даниилом Галицким, Василько Волынским и местными прелатами, которые, по словам брата Иоанна: “проведя между собой совет вместе с епископами и другими почитаемыми мужами по поводу того, что мы говорили им же, направляясь к тартарам, они сообща ответили, говоря, что хотели бы иметь господина папу сво-

²⁸ Uniri per veram oboedientiam tamquam membrum capiti eidem Ecclesiae devotissime postulasti, in ipsius oboedientiae signum affectans, in Pleskowie civitate tua Latinorum ecclesiam erigere cathedralem [36, no. 65, p. 117].

²⁹ Папские послания косвенно указывают на тот факт, что князь Александр отправился в Монголию в 1248 году, а не годом ранее, как это утверждает автор “Лаврентьевской летописи”; ср.: [14, стб. 472].

им особым владыкой и отцом, а святую Римскую церковь – госпожой и наставницей”³⁰.

Радужный прием, оказанный Иоанну де Плано Карпини в Галиче, был очевидным следствием беспокойства галицкого и волынского князей в связи с угрозой татарского вторжения : в 1246 году брат Иоанн посетил княжеский двор Галиции в тот момент, когда никто в Галиче еще не мог предсказать исхода путешествия Даниила Галицкого в ставку Бату. В то же время беспокойство по поводу потенциальной агрессии татар подогревалось и повышенной активностью оглана Куремсы (Курумиши), основавшего свой улус в правобережной Украине [29, с. 94, 97]. Прибытие папского легата ко княжескому двору летом 1247 года в свою очередь совпало с распространением в Восточной Европе слухов о назревающем наступлении на Запад великого хана Гуюка.

К тому же Иннокентий IV предоставил галицкому и волынскому князьям ряд привилегий, чтобы стимулировать их сближение с папской курией. Уже буллой от 3 мая 1246 года папа принимал под покровительство владения Даниила Романовича [36, no. 28, p. 69–70], что имело немаловажное значение в связи с недавней агрессией венгерского королевства в Галиции. Посланием от 27 августа 1247 года понтифик подтверждал за Даниилом и Василько право на возвращение неких наследственных владений, незаконно удерживаемых неопределенными правителями [36, no. 41, p. 85]. По всей видимости, под этими владениями имелись в виду территории в Штирии и Австрии, на которые галицкий и волынский князья претендовали во время их участия в войне за австрийское наследство [18, с. 688]. В параллельных буллах понтифик предоставлял князьям абсолютное право препятствовать представителям военных орденов приобретать в их владениях земли без их ведома и позволял местным священникам сохранить особенности православной литургии, которые не противоречили бы каноническому праву Римской церкви [36, no. 42, p. 86, no. 43, p. 87].

Здесь следует снова подчеркнуть, что для Иннокентия IV главной целью и условием сближения галицкого и волынского князей с папской курией было заключение церковной унии. Как и в случае с Александром Невским, главным представителем папы в переговорах выступал его легат Альберт фон Зуэрбеер, получивший 7 сентября 1247 года следующие предписания в связи с приготовлениями Альберта посетить Галицко-Волынское княжество: “мы повелеваем, дабы ты лично прибыл в те края. Если вышеназванный король, упорствуя в столь святом намерении, сам, как и архиепископы, епископы и другие магнаты его королевства повсюду и полностью клятвенно отрекутся от схизмы, и пообещают и поклянутся отныне придерживаться как единства веры, которую проповедует и соблюдает Римская церковь, так и вечного почитания этой же Римской церкви; нашей властью ты их восстановишь, как особых и преданных сыновей, и воплотишь в единстве с упомянутой Римской церковью, которая является матерью всего сущего”³¹.

³⁰ Inter se et cum episcopis et aliis probis viris consilium habentes super iis que locuti fueram eisdem, quando ad Tartaros procedebamus, nobis responderunt communiter dicentes quod dominum papam vellent habere in dominum specialem et in patrem, et sanctam romanam Ecclesiam in dominam et magistram [63, ix, 48, p. 330].

³¹ Mandamus, quatinus personaliter ad partes illas accedens, si praefatus rex in tam sancto proposito perseverans, tam ipse quam archiepiscopi et episcopi et alii magnates regni sui,

Папа ясно давал понять своему легату, что он не довольствовался персональной унией князей с Римской церковью, но хотел получить от Даниила Романовича свидетельства начала постепенной латинизации местной православной церкви. Взамен, 22 января 1248 года Иннокентий IV отослал Даниилу буллу с текстом, идентичным посланию, которое понтифик адресовал тем же числом Александру Невскому и которое, как было сказано выше, содержало довольно неопределенное обещание о военной поддержке с запада [36, no. 57, p. 108]. Посредничество папы, очевидно, способствовало сближению Даниила Галицкого с тевтонскими рыцарями в Ливонии. Вскоре между ними был заключен договор о военном сотрудничестве [17, с. 27]. Однако Даниил, который должен был принимать во внимание и мнение местного православного духовенства, мог позволить себе продолжать переговоры о церковной унии только в обмен на обещания о военной поддержке в тот период, когда угроза татарского вторжения рассматривалась вполне достоверной. После же получения известия о смерти Гуюка в апреле 1248 года, Даниил, очевидно, разуверился в обоснованности слухов о планируемой экспансии монгольской империи на западе и прервал переговоры с Апостольским престолом.

Однако четырьмя годами позже отношения Даниила Галицкого с соседствующим огланом Куремсой резко обострились. По всей видимости, вдохновленный общеимперской фискальной реформой великого хана Мунке, в 1252 году Куремса направил своего баскака в Бакоту с явным намерением провести перепись населения в Болоховских землях для последующего сбора с них причитающейся дани. Даниил, считавший в свою очередь, что Болоховские земли находились в сфере его влияния, изгнал баскака Куремсы из Бакоты, что привело к открытому конфликту между галицким княжеством и соседствовавшим с ним татарским правителем. Несколько последующих неудачных вторжений Куремсы на территорию галицкого и волынского княжеств показали, что в начавшейся войне Куремса имел в своем распоряжении незначительные силы. Даниил успешно сопротивлялся нападениям Куремсы и мог позволить себе в промежутке напасть на пограничные с Волынью земли ятвагов [11, стб. 828–831, 838, 840–843; 29, с. 96–100]. Тем не менее в самом начале конфликта Даниил не мог быть уверен в том, что Бату не предоставит Куремсе подмоги, отчего галицкий князь спешно обратился за помощью к папе.

В ответ на призыв о помощи со стороны галицкого князя, Иннокентий IV адресовал 14 мая 1253 года свое циркулярное письмо всем христианам Богемии, Моравии, Сарбии³² и Померании³³ со словами: “недавно от возлюбленного во Христе сына нашего ... славного короля Рускии, близость чьих областей с тартарами позволяет ему узнать многие их секреты, посредством его извещающего письма³⁴ мы узнали, что упомянутые тартары вскоре будут

schismate quolibet penitus abiurato, promiserint et iuraverint se decetero in unitate fidei, quam Ecclesia Romana praedicat et observat, eiusdemque Romanae Ecclesiae devotione perpetuo permansuros, eos auctoritate nostra et reconcilios et tamquam speciales et devotos filios incognitos praedictae Romanae Ecclesiae, quae mater est omnium, unitati [36, no. 46, p. 89–90].

³² Южный регион бассейна Эльбы [64, p. 302].

³³ Понтифик адресовал идентичную буллу и польским прелатам [36, no. 89a, p. 153].

³⁴ Вероятно, это послание Даниила привезли в Италию польские эмиссары, направленные в папскую курию для проведения процесса канонизации Св. Станислава [64, p. 302].

готовы как к уничтожению остатков того, что божественная доброта во многих местах спасла милостиво из их рук благодаря бегству, так и к неистовому поспешанию соседствующего с ними духа христианства, если только Бог им не воспротивится. Поэтому, дабы их прискорбное намерение не нашло задуманного исполнения и губительный натиск не обернулся убийством многих от их неистовства, с непоколебимой стойкостью сопротивления следует вам в первую очередь, кто подвергся их предшествующим набегам, принять такие меры (дабы их упрямое высокомерие не возросло еще больше), чтобы посредством вас их устремления встретили мужественное сопротивление неослабевающего войска³⁵. Далее папа ясно указывал адресатам своего послания, что отпор агрессорам должен был быть организован в рамках анти-татарского крестового похода, для проповедования которого он посылал своего легата: “любимого сына [Опицо] аббата из Мессано ... мы предусмотрительно направили к вам, дабы сам он, как и другие, кого он признал бы для этого пригодным ... вас, проповедуя вам крест против этих татар, как и других язычников, не меньше, чем эти же татары, жаждущих крови христиан, он постарался укрепить знаменем этого же креста³⁶”.

Очевидно, что папа рассматривал проповедование крестового похода как наиболее эффективное средство для мобилизации массивных военных и материальных ресурсов. С другой стороны, использование сакрализованных военных действий включало ряд недостатков. В первую очередь воплощение крестового похода занимало чрезвычайно много времени, не позволяя своевременно ответить на внешнюю угрозу. Кроме того, начиная с IV Крестового похода, всякая военная кампания, санкционированная Апостольским престолом, могла неожиданно отклониться от первоначальной цели. Упомянутая выше папская булла предполагала, что планируемая военная кампания могла быть направлена не только “против татар”, но и против “других язычников”. Также и в более позднем послании, адресованном 19 мая 1254 года прелатам Ливонии, Эстонии и Пруссии, Иннокентий IV санкционировал проповедование крестового похода “против татар и их приспешников” [89, no. 289, s. 217]; под которыми, очевидно, имелись в виду те язычники, которые препятствовали Тевтонскому ордену насаждать католическую веру в Пруссии³⁷. Результатом проповеди крестового похода была мобилизация 60-

³⁵ Nuper carissimo in Christo filio nostro ... rege Rusciae illustri, quem loci vicinitas suorum secretorum plerimque reddit participem, per litteras suas accepimus referente, praefatos Tartaros fore paratos ad delendas reliquias, quas divina benignitas in plerisque locis per fugae praesidium ab ipsorum clementer manibus liberavit et ipsius vicinia christianitatis vesano spiritus, nisi Deus eis resisteret, conculcanda. Propter quod, ne tam infelicis propositi praeconceptum sortiantur effectum, ne feralis eorum impetus in multorum debachetur excidium, obsistentium robore non repressus, interest vestra praecipue, qui prioribus ipsorum incursibus estis expositi, sic disponi, quod per vos eorum conatibus, ne cervicosa ipsorum amplius invalescat superbia, irretunsa acie viriliter resistatur [36, no. 89, p. 152].

³⁶ Dilectum filium ... abbatem de Mezano ... ad vos provide duximus destinandum, ut per se ac alios quos ad hoc idoneos noverit ... vobis contra ipsos Tartaros ac etiam alios paganos, christianorum sanguinem non minus eisdem Tartaris sitientes, praedicans verbum crucis, ipsius insigni caractere vos studeat praemunire [36, no. 89, p. 152–153].

³⁷ В этом послании Иннокентий IV указывал, что проповедь крестового похода в Прибалтике была организована в ответ на то, что “неистовейшие татары, враги христианского имени, и их приспешники селятся завоевать и уничтожить земли Ливонии,

тысячной армии во главе с богемским королем Пржемыслом Отакаром II в декабре 1254 года, то есть через полтора года после провозглашения анти-татарского крестового похода. Войско крестоносцев, включавшее в свои ряды добровольцев из Богемии, Моравии, Австрии, Бранденбурга, Саксонии, Тюрингии, Мейсена и других германских земель, по всей видимости, было одной из самых крупных армий, пересекавших территории Польши в Средневековье [64, р. 304–305]. Однако, получив в дальнейшем сведения о незначительности татарской угрозы, армия крестоносцев проследовала в Пруссию, чтобы осуществить зимой 1254–1255 годов молниеносную кампанию против местных язычников, закончившуюся полным разгромом самбов [17, с. 31–32].

Вполне возможно, что проведение этого крестового похода принесло определенную пользу Даниилу, получившему возможность напасть на земли ятвагов [17, с. 35–38]. С другой стороны, галицкий князь смог убедиться на практике, что в случае возможного татарского вторжения он не успел бы получить своевременной поддержки от папы в связи с тем, что мобилизация сил крестоносцев требовала слишком много времени, и эти силы могли быть направлены на достижение альтернативных политических целей. Следствием осознания неактуальности помощи понтифика было постепенное ухудшение в отношениях между галицким князем и Апостольским престолом, усугубившееся временным сближением папской курии с Великим княжеством Литовским. В письме, адресованном Миндовгу 5 марта 1255 года, папа Александр IV призывал литовского князя способствовать борьбе со схизмой и закреплял за ним право на новые территориальные приобретения: “Итак, поскольку с твоей стороны нам было представлено, что ты, с неутомимым усердием борющийся против королевства Руссии и его жителей, пребывающих в беспутном неверии, подчинил твоей власти некоторые земли этого королевства; принимая во внимание, что обладая этими упомянутыми землями, соседние области язычников и неверных могут быть без труда подчинены твоему домену и присоединиться к христианскому культу, благосклонно принимая твои мольбы, мы утверждаем за тобой и твоими преемниками упомянутые земли апостольской властью”³⁸.

Решение папы не могло не сказаться на отношениях папской курии с галицким князем, отвергнувшем, в конце концов, церковный союз с Римской церковью. В частности, в своем письме Даниилу от 13 февраля 1257 года Александр IV уже угрожал князю крестовым походом, поскольку: “как дошло до нашего слуха не без того, чтобы вызвать замешательство в нашем сердце, ты, забывший о всех духовных и светских благодеяниях Римской

Эстонии, Пруссии” (*sevissimi Tartari, christiani nominis inimici, et ipsorum complices terras Livonie, Estonie, Pruscie ... occupare ac destruere moliantur* [89, no. 289, s. 216–217]). Однако нападения татар на владения Тевтонского ордена, вероятно, были вымыслом тевтонских рыцарей, имевших осязаемое влияние в папской курии.

³⁸ *Cum itaque, sicut ex parte tua propositum coram nobis, tu contra Regnum Russie ipsiusque habitatores in infidelitatis devio constitutos indefessa strenuitate decertans, nonnullas terras ipsius Regni tue subjugaveris dicioni, nos attendentes, quod de terras habente predictas, vicine paganorum et infidelium regiones de facili poterunt tuo dominio subici et acquiri cultui christiano, tuis benigne precibus annuentes, prefatas terras tibi tuisque successoribus ... auctoritate apostolica confirmamus* [108, I, no. 123, p. 61].

церкви, выразив совершенную неблагодарность к стольким милостям и презрев обязательства данной клятвы; не позаботился в дальнейшем исполнить публичное обещание быть послушным церкви и следовать упомянутой вере, подвергнув опасности свою душу, совершив беззаконие в отношении этой веры, презрев упомянутую церковь и допустив поношение Иисуса Христа³⁹. Таким образом, к моменту возобновления татарского натиска на западе, Галицко-Волынское княжество оказалось вне сферы влияния Латинского мира, что незамедлительно сказалось на безопасности его восточных пределов.

Любопытно отметить, что описанные выше меры Иннокентия IV по организации защиты восточных пределов Латинского мира пришлось на период относительной пассивности татар. Бату, очевидно, не считал приоритетной экспансию своего улуса в северо-западном направлении, вследствие чего он не предоставил существенной поддержки Куремсе во время его конфликта с Даниилом Галицким. Более того, именно в этот период сын Бату, Сартак, попытался наладить взаимоотношения с папской курией (несомненно, с согласия своего отца). По словам Никола да Калви, биографа Иннокентия IV, в 1253 году Сартак отправил к понтифику делегацию во главе с его личным капелланом, армянином по имени Иоанн. Посольство Сартака, однако, было арестовано противником Апостольского престола, Конрадом IV Гогенштауфеном, и удерживалось в южной Италии вплоть до смерти последнего, то есть до 21 мая 1254 года [73, p. 102; 16, с. 204]. После кончины Конрада посланник Сартака смог достичь папы и сообщить Иннокентию IV содержание утерянного послания, “в котором царь татар просил сущность и устав христианской религии и ритуала, чтобы быть в ней просвещенным, поскольку он стал христианином и принял таинство святого крещения”⁴⁰.

Иннокентий IV ответил Сартаку благодарственным посланием от 29 августа того же года, в котором, помимо поучений в вере, понтифик сообщал сыну Бату: “воистину, поскольку, как учил через познание Бога божественный апостол Павел, *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению*⁴¹; нужно, наивыдающийся князь, чтобы ты постарался провозгласить ясным обнародованием исповедание принятой тобой веры Христа и приложить усилия к ее распространению свидетельством благочестивых действий”⁴². По всей видимости, папское послание должны были отвезти Сартаку те пять доминиканцев, которых Гийом де Рубрук встретил в Ани 2 февраля 1255 года [103, s. 233]. В частности, брат Гийом сообщал, что: “в одном городе под названием Ани ... встретились мне пять братьев-

³⁹ Tu, sicut ad audientiam nostrum non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium quam temporalium beneficiorum ipsius ecclesiae immemor, tantaque gratiae prorsus ingratus praestiti iuramenti religione contempta, id quod circa obedientiam eiusdem ecclesiae ac praedictae observationem fidei promississe dinosceris, observare postmodum non curasti in animae tuae periculum, ipsius iniuriam fidei ecclesiae praedictae contemptum et obproprium Jesu Christi [34, no. 31, p. 66].

⁴⁰ Quibus petebat formam et regulam christiane religionis et ritus, ut hiis informaretur, cum christianus esset effectus et sacri baptismatis recep(er)it sacramentum [79, p. 288].

⁴¹ К Римлянам 10: 10.

⁴² Verum quia, sicut docuit ex conscientia dei divinus apostolus Paulus, corde creditur ad iustitiam, ore autem confessio fit ad salutem, oportet, excellentissime princeps, ut susceptam Christi fidem claro confessionis preconio declarare studeas, et pie actionis testimonio dilatare [77, no. 39, s. 211].

проповедников ... у них были письма папы Сартаку ... с просьбой о милости позволить им остаться в его земле и проповедовать слово Бога”⁴³; но прибавлял далее: “что они потом сделали, я не знаю”⁴⁴. Таким образом, неясным остается, достигло ли Сартака письмо папы. Как бы то ни было, доминиканцы не могли застать Сартака в улусе Джучи, поскольку он отправился оттуда в Монголию уже в июле 1254 года для того, чтобы принять там участие во все-монгольском курилтае во главе с великим ханом Мунке [88, р. 79].

Сартак проявлял очевидное стремление наладить взаимоотношения с латинянами и, по всей видимости, способствовал распространению слухов о своем крещении и среди христианских кругов Ближнего Востока. Именно известия о его про-христианской ориентации побудили французского короля Людовика IX, пребывавшего в это время в Палестине, отправить в 1253 году в улус Джучи францисканца Гийома де Рубрук [66, ххviii, 16, р. 158, ххxiii, 8, р. 244]. Однако неудачный исход этой миссии был изначально предопределен особыми инструкциями, данными брату Гийому французским монархом, согласно которым францисканский миссионер должен был приложить все свои усилия, чтобы цель его путешествия не была воспринята как попытка признания Людовиком IX своего подчинения татарам [95, р. 56; 72, р. 228]. С момента прибытия Гийома де Рубрук на татарскую территорию, францисканский миссионер настаивал на том, что целью его путешествия было проповедование Евангелия [95, р. 59]. Тем не менее брат Гийом был носителем послания, адресованного французским совраном Сартаку с ясно выраженным пожеланием, “чтобы ... он стал врагом всех врагов креста”⁴⁵. Сартак, очевидно, воспринял содержание королевского письма как предложение заключения военного союза (и соответственного признания татарского сюзеренитета) и перенаправил послание, как и самого брата Гийома, к своему отцу; который, в свою очередь, направил брата Гийома в ставку великого хана в Монголии [72, р. 231]. Однако при последующей встрече с Мунке, Гийом де Рубрук резко отверг предположение, что Людовик IX предлагал бы в своем дружественном послании какое-либо военное сотрудничество с татарами [66, ххvii, 11, р. 142]. В своем отчете Гийом де Рубрук давал понять, что в период единства монгольской империи татары были готовы установить мирные отношения с любым народом, находящимся за ее пределами, только при условии его безоговорочного подчинения власти великого хана [66, ххviii, 2–3, р. 146]. Поэтому попытка Сартака вступить с европейцами в контакт была изначально обречена на провал в связи с тем, что условия этого контакта были неприемлемы с точки зрения западных правителей.

Второе вторжение татар в Польшу

С приходом к власти Берке в 1257 году резко изменились приоритеты во внешней политике улуса Джучи. В этом же году Берке принял решение передать оглану Бурундаю управление улусом Куремсы в правобережной

⁴³ In quadam ciuitate nomine Ami ... inuenerunt me quinque fratres Predicatores ... et habebant litteras domini pape ad Sartach ... deprecatorias quod permetterent eos stare in terra sua et predicare uebrum Dei [66, ххxviii, 9–10, р. 310].

⁴⁴ Quid ipsi postea fecerint ego nescio [66, ххxviii, 10, р. 312].

⁴⁵ Ut ... esset inimicus omnium inimicorum crucis [66, ххvii, 11, р. 144].

Украине [11, стб. 846; 30, с. 30]. Постановление нового джучидского правителя отражало ясное намерение Берке приступить к экспансии в северо-западном направлении. Бурундай был одним из самых выдающихся татарских полководцев, отличившимся во время предыдущих военных кампаний в Волжской Булгарии, Северо-Восточной Руси и, что важнее, в ходе инвазии Бату в Венгрию в 1241–1242 годах. Таким образом, Бурундай обладал опытом военных действий против европейцев, и от него ожидалось применение этих навыков в ходе будущей территориальной экспансии [13, с. 48–49, 73; 3, с. 90]. Кроме того, в распоряжение Бурундая были предоставлены намного более крупные военные силы по сравнению с прежним потенциалом Куремсы [11, стб. 846].

В 1258 году Бурундай потребовал от галицкого и волынского князей прибыть в его ставку для выражения покорности. После визита Василько Романовича (Даниил Галицкий отказался выполнить требование Бурундая, что не повлекло за собой особых последствий), русским князьям было приказано принять участие в набеге на Литву; после чего татарские и галицко-волынские войска разорили основную часть литовских территорий [11, стб. 846–848]. Однако Бурундай, вероятно, не смог добиться непосредственного подчинения литовского княжества [29, с. 106]⁴⁶.

В свою очередь тевтонские рыцари в Пруссии выказывали опасения, что в планы татар входило и нападение на их владения. Так, в 1259 году тевтонские братья обратились к папе Александру IV с просьбой способствовать заключению их военного союза с польскими правителями против татар. В своем ответе тевтонским братьям от 17 декабря 1259 года, содержащем одобрение намерений рыцарей, Александр IV указывал, среди прочего, на потенциальную угрозу вторжения татар: “Со скорбью в душе мы услышали, что многие из ваших братьев и других правоверных Христа недавно были убиты жесточайшим образом руками язычников, защищая католическую веру; и нечестивый народ тартар уже представляется настолько приблизившимся к краям Пруссии, что вы и другие, соседствующие с вами правоверные, опасаетесь самым серьезнейшим образом по поводу тяжелейшего ущерба в вещах и людях”⁴⁷. С другой стороны, данное сообщение понтифика могло быть следствием дезинформации тевтонских рыцарей, стремившихся склонить папу и польских правителей предоставить им военную поддержку для планируемого вторжения в Литву [64, р. 326–327]⁴⁸.

⁴⁶ Питер Джексон высказывает предположение, что, находясь под постоянной угрозой вторжения татар, Миндовг признал себя данником Берке; но не приводит конкретных документальных свидетельств для обоснования своей точки зрения [73, р. 202].

⁴⁷ *Corde tristes audivimus, quod multi ex fratribus vestris et aliis Christi fidelibus pridem pro tuitione catholice fidei paganorum manibus fuerunt crudelissime interfecti et gens impia Tartarorum iam Pruscie partibus ita propinqua esse dinoscitur, ut a vobis et aliis fidelibus convicinis gravissima rerum et personarum perditio vehementissime timeatur* [90, no. 82, s. 73–74].

⁴⁸ Однако здесь следует упомянуть малодостоверное, но интересное упоминание совместной победы тевтонских рыцарей и польских правителей над татарами во время их последующего вторжения в Польшу, встречающееся в “Зальцбургских анналах Святого Рудберта”: “1260. Герцоги Польши и братья Тевтонского ордена при помощи других, чьи сердца тронул Бог, сошлись в бою с тартарами в Польше и их победили” (1260. *Duces Polonie et fratres domus Teutonicorum cum auxilio aliorum, quorum Deus corda tetigerat, congressi cum Tartaris in Polonia, ipsos vicerunt* [41, р. 795]).

В следующем году (1259) Бурундай вошел со своей армией в Галицию и, в знак покорности явившихся ему на поклон Василько Волынского и сыновей Даниила Галицкого (сам Даниил на этот раз бежал к полякам и, далее, в Венгрию [11, стб. 850]); он повелел им снести оборонительные стены в Данилове, Стожке, Львове, Кременце, Луцке и Владимире [30, с. 32]. Несмотря на то, что гарнизон Холма, новой столицы Галиции, отказался снести стены и даже оказал успешное сопротивление войскам Бурундай; в целом можно сказать, что с этого момента правители Галицко-Волынского княжества вынуждены были признать свое непосредственное подчинение улусу Джучи [73, р. 109, nota 88]. В первую очередь признание их покорности выразилось в исполнении воинской повинности во время последующего вторжения в Польшу, в ходе которого, согласно “Великопольской хронике”, их военные подразделения приняли самое активное участие [83, VIII, р. 113–114]. Таким образом, Галиция и Волынь, как и Литва, оказались за пределами влияния Латинского мира и рассматривались папской курией в качестве союзников татар, согласно утверждению папы Урбана IV, содержащемуся в послании богемскому королю Отакару II от 4 июня 1264 года: “Ибо мы узнали, что схизматики-рутены и литовцы, как и другие жители на их границах, которые не чтят Бога, но, скорее, поносят его имя, объединены с тартарами, их приспешниками, в преступном союзе”⁴⁹.

Обеспечив себе надежный тыл, армия Бурундай, включавшая в свой состав галицко-волыньские подразделения, вторглась на территорию Малой Польши в ноябре 1259 года⁵⁰. Спешно миновав Люблин и Завихост, татары пересекли Вислу и вторглись в Сандомирскую область [11, стб. 852; 64, р. 326; 10, с. 189]. Дальнейшие действия татар красноречиво описываются синхронным автором “Рочника Краковского капитула”: “В том же году (1259) тартары, свирепствующие в варварском бешенстве, более всех склонные к достижению могущества посредством ядовитого обмана неверности (которая, хоть и распространена среди некоторых варваров, но у них в особенности является прирожденной) и всегда готовые свирепствовать как зверь; вторгнувшись в Сандомирскую землю, в своей нечеловеческой жестокости, которая не привыкла жалеть ни пола, ни возраста, и которую нельзя склонить к милосердию ни мольбой, ни откупом, ни раболепием; они предают людей убийству, жгут огнем святилища Господа и опустошают всю землю. Они захватили Сандомирский замок скорее искусным лукавством, чем крепостью своих сил, и, убив в нем многих и взяв в плен немногих выживших, они вторглись в Краковскую землю, где они убили многих людей и, вернувшись к себе, они увели с собой, никем не тревожимые, также многих пленных вместе с огромной добычей. И уйдя из провинций Сандомира и Кракова, они нанесли больше ущерба и разрушений, чем предыдущие тарта-

⁴⁹ Accipimus enim, quod Rutheni scismatici et Litwani ac alii habitantes in eorum confinibus, qui deum non colunt, sed blasphemant potius nomen eius, una cum Tartharis eorum complicitibus, quibus sunt federe dampnato coniuncti [90, no. 222, s. 166].

⁵⁰ “Великопольская хроника” уточняет, что татары вторглись в Сандомирскую землю “перед праздником Св. Андрея” (ante festum sancti Andree [83, VIII, р. 113; см. также: 74, р. 236, nota 226]), то есть до 30 ноября 1259 года.

ры”⁵¹. Армия Бурундая, таким образом, нанесла значительно больший урон Польше, чем войска Орда ичена, вторгнувшись на ее территорию в 1241 году. Татары не встретили существенного сопротивления (хотя и не решились штурмовать Краков) и, по утверждению нескольких польских источников, вернулись на восток (в апреле 1260 года) с большим числом пленников: “Устроив же столь великую, не слыханную до сих пор резню, они вернулись в Рускию, уведа с собой лошадей, вьючных животных, овец и другой скот; и, что более всего прискорбно, они увели бесчисленных дев, детей, красивых женщин и знатных персон”⁵².

В отношении причин татарского вторжения было высказано предположение, что Бурундай не стремился к завоеванию Польши и что главной целью нападения татар было стремление закрепить недавнее подчинение Галиции и Волыни путем ослабления их естественного союзника, то есть малопольского князя Болеслава V Стыдливового [64, р. 323; 33, с. 307]. Вполне возможно, однако, что инвазия 1259–1260 годов была только предварительным этапом в осуществлении запланированного ранее полномасштабного вторжения в Европу, осуществлению которого помешали как ожесточенный конфликт, разгоревшийся внутри монгольской империи после смерти великого хана Мунке поздней осенью 1259 года, так и последующее начало военных действий на Кавказе между улусами Джучидов и Хулагуидов [74, р. 236].

Во всяком случае, папа Александр IV выказывал нарастающее беспокойство по отношению к повышенной активности татар в Восточной Европе, рассматривая ее как очевидное указание на то, что татары приняли решение возобновить наступление против всего Латинского мира. В частности, уже в своем послании, адресованном 20 июня 1258 года приорам доминиканцев и министрам францисканцев в Германии, Польше, Богемии и Моравии, понтифик констатировал: “*На широте земли*⁵³ появился злобный народ тартар, и, стремительно выступив *с края земли*⁵⁴, он устремился, чтобы подчинить своей империи укрепленные города, не пожалев ни одного царства в высокомерии своей души. И воистину, поскольку во многих местах уже, с позволения Господа, он восторжествовал над царями и, презрев твердые стены, захватил многие укрепления, он посчитал в дальнейшем, что на земле не найдется никакой власти, которая будет в силах ему сопротивляться. И в самом деле, обласкан-

⁵¹ Eodem anno Thartari barbarica rabie sevientes, fraude infidelitatem virulenta, que quamquam ceteris barbaris sit inolita hiis precipue est innata, propensius prepotentes et tanquam sevre belua semper prompta terram Sandomir[iensem] ingressi sua truculencia inhumana, que nec sexui consuevit parcere nec etati, que nec prece nec precio valet nec servicio ad misericordiam inclinari, homines neci addunt, sanctuaria Domini igne cremant, totam terram depopulantur. Castrum Sand[omiriense] magis calliditate doli quam robore virium capiunt, in quo plurimis occisis paucos residuos captivantes Cracouiam sunt ingressi; ubi homines plurimos occiderunt, plurimos etiam captivos secum, cum preda maxima ad propria remeantes, illesi abduxerunt. Et hii Sandomirie et Cracouie provinciis cedens, dampna et excidia graviora prioribus Thartaris inflixerunt [83, V, p. 87–88; см. также: 83, II, p. 585–586; 11, стб. 852–855].

⁵² Tanta vero cede facta, quanta non est audita usque ad diem hanc, recesserunt in Rusciam, equis, jumentis, pecoribus pecudibusque abductis, et quod magis dolendum est, virgines, pueros, mulieres speciosas ac nobiles sine numero deduxerunt [86, s. 626; см. также: 82, II, p. 839, III, p. 73, 170; 83, V, p. 242; 43, p. 528].

⁵³ Откровение 20: 8.

⁵⁴ Исаия 5: 26.

ный фортуной в подобном осуществлении такого его намерения, он все больше и больше воодушевляется в своем высокомерии; и в своем тщеславии народ этот укрепился еще больше, самонадеянно приписывая своим силам то, что, как известно, привело к его победе по причине грехов христианского народа. И действительно, подобное гонение христиан является весьма тяжелым и жестоким, и, если оно немедленно не будет обуздано осмотрительным решением, несчастью, как без сомнений верится, окажется подвержен весь мир”⁵⁵. Далее Александр IV уточнял источник своей информации: “В свою очередь, как было показано нам и нашим братьям содержанием писем наших преподобных братьев епископов, как и любимых сыновей, знатных мужей, герцогов Польши; этот народ засел в засаде недалеко от границ Польши, чтобы, внезапно устремившись, поглотить с привычным зверством всех тех, кого он найдет беспечным и безоружным. Поэтому их набега должно заслуженно страшиться, и вследствие этого правоверным Христа, если они хотят таким образом избежать опасности и бедствия, чтобы не быть унесенными штормом, следует вдвойне быть укрепленными оружием со всеми предосторожностями; так, чтобы, хоть и будет под рукой духовное оружие, было бы достаточно и материального”⁵⁶; и поручал после этого адресатам своего послания начать немедленное проповедование крестового похода в Германии, Богемии, Моравии и Польше “против этих тартар, как и против любых их помощников и доброжелателей”⁵⁷.

Также и после получения известий о завершившемся вторжении Бурундая, папа Александр IV выказывал опасения по поводу возобновления наступления татар, и, по просьбе архиепископа Гнезно и польских правителей, понтифик обращался к тевтонским рыцарям с призывом предоставить польским князьям военную поддержку в письме от 10 августа 1260 года: “Поскольку письмо, представленное со стороны преподобных братьев наших ... архиепископа Гнезно и его суффраганов, как и знатных мужей названной земли Польши; содержало, что недавно тартары, ворвавшись с войском в

⁵⁵ Super terre latitudinem Tartarorum apparuit gens amara, que de terre finibus impetuose progrediens urbes munitas suo subiugare imperio ac nulli regno parcere defixit in altitudine cordis sui. Verum quia in plerisque locis iam permittente domino de regibus triumphavit et munitiones nonnullas despiciens subportato aggere cepit illas, nullam deinceps abritrator invenire potenciam, que sibi resistere valeat super terram. Tali nempe sibi fortuna in huiusmodi persecucione propositi blandiente in superbiam magis ac magis semper erigitur et in suis vanitatibus gens ipsa forcius roboratur, id suis viribus presumens ascribere, quod propter peccamina populi sibi ad victoriam noscitur accidisse. Et quidem christianis est persecucio talis gravis admodum et infesta et nisi confestim prudenti refrenetur consilio, infausta procul dubio creditur toti mundo [90, no. 59, s. 51].

⁵⁶ Porro cum sicut venerabilium fratrum nostrorum episcoporum necnon dilectorum filiorum nobilium virorum ducum Polonie nobis ac fratribus nostris exhibite littere continebant, gens ipsa non longe a Polonie finibus in insidiis sedeat, ut subito irruens, quos incautos et inermes invenerit, consweta degluttiat feritate, ita quod de illorum incursu merito debeat formidari, oportet Christi fideles, si volunt huiusmodi declinare pericula et calamitatis non involvi procella, armatura duplici cum omni cautele studio premuniri, quod si spiritualis aderit, et materialis non deerit armatura [90, no. 59, s. 52].

⁵⁷ Contra ipsos Tartaros, quam et quoscumque adiutores et fautores [90, no. 59, s. 52]; упоминание “помощников и доброжелателей” татар, вероятно, отображало предположение информантов папы о возможном участии галицко-волынских подразделений в назревающем вторжении в Польшу [64, p. 323–324].

границы их земли, разрушили до основания несколько городов этой же земли и прискорбно предали мечу их жителей, не жалея ни пола, ни возраста, ни религиозной принадлежности, за исключением тех, кого увели с собой пленниками ... И воистину, поскольку, согласно содержанию этого же письма, вышеназванные тартары, упорствующие в задуманном намерении безумия, до сих пор вынашивают надежду подвергнуть эту же землю своим еще более жестоким нападениям ... мы испрашиваем всех вас ... дабы, соединив все ваши силы против этих же тартар с жителями соседствующей земли, упомянутой ранее, если в дальнейшем тартары вторгнутся в эту землю ... вы оказали ей мощную и мужественную поддержку⁵⁸. Помимо этого, понтифик организовал проповедование крестового похода на польских, богемских и германских территориях, планируя предоставить верховное командование подготавливаемой военной кампании против татар богемскому королю Пржемыслу Отакару II; что явствует из послания Александра IV, адресованного 9 сентября 1260 года богемскому соправителю: «После этого мы, отвечая мольбам, которые любимые сыновья, знатные мужи ... герцоги Польши направили нам посредством своего [специального послания] и представителей, чтобы ты стал капитаном христианского войска против звериной жестокости тартар; выражая почтение в особенности к твоему великому высочеству и блеску твоего знаменитого имени, мы направили тебе наши полные любви письма, призывающие, чтобы нашим или, скорее, божественным благожеланием, в соответствии с принятием знака креста, ты подготовил войско христиан для сражения и направил армию ратников, когда бы не вспыхнула тартарская чума, сообщив им, что они будут иметь прощение грехов, которое предоставляется отправляющимся во вспомоществование Святой земле»⁵⁹.

Примерно в это же время Александр IV получил тревожное письмо от своего легата в Святой земле, Томмазо Аньи ди Лентино, с извещением о крайне небезопасном положении Латинского королевства Иерусалима в связи с появлением монгольских туменов Хулагу на его границах [80, р. 547–549]. Следствием этого извещения было формирование у понтифика уверенности в

⁵⁸ Ex parte siquidem venerabilium fratrum nostrorum ... archiepiscopo Gneznensis et suffraganeorum necnon et nobilium virorum dictum terre Polonie littere nobis exhibite continebant, quod nuper Tartari fines eiusdem terre violenter aggressi nonnullas villas eiusdem terre funditus destruentes habitatores ipsarum preter illos, quos secum abduxere captivos, nulli parcendo sexui, etati vel ritui in ore gladii miserabiliter posuerunt ... Verum quia, sicut in eisdem continebatur litteris, predicti Tartari in concepti furoris proposito persistentes eandem terram adhuc durioribus insultibus impugnare proponunt spem suam ... universitatem vestram rogamus... virum vestrarum extrema conflantes habitatoribus terre predictae contra eosdem Tartaros, si de cetero terram ispan invaserint ... potenter et viriliter assistatis [90, no. 109, s. 98–99].

⁵⁹ Postmodum vero nos ad precum [instantiam], quas dilecti filii nobiles viri ... duces Polonie pro te habendo in capitaneum exercitus christiani contra ferinam sevitiem Tartarorum nobis per suas [speciales litteras] et nuntios direxerunt, ad tuam precipue magnificam celsitudinem et famosam tui nominis claritatem respectum habentes tibi nostras affectione plenam misimus [litteras, continen]tes, ut nostro seu potius divino beneplacito te coaptans crucis assumpto signaculo Christianorum exercitum ad prelium instruas et bellatorum acies, quandocumque Tart[arorum pestis] ingruerit, dirigas et informes illam peccatorum veniam habiturus, que transeuntibus in terre sancte subsidium indulgetur [90, no. 111, s. 101]. Послание со схожим содержанием было параллельно адресовано ряду германских прелатов [90, no. 113, s. 102].

том, что вторжение Бурундая в Малую Польшу было частью общего процесса западной экспансии монгольской империи. Всякие сомнения в агрессивных намерениях джучидского правителя Берке рассеялись в связи с прибытием в том же 1260 году его посольства во Францию с ультимативным требованием подчинения (обычно предвещавшем назревающее вторжение): “В год Господень 1262⁶⁰. Царь тартар направил торжественных послов, около 24 высоко-родных тартар с двумя братьями Ордена проповедников, бывших переводчиками языков, к королю Франции Людовику, дабы он со своим королевством подчинился власти тартар; в противном случае они напали бы на Францию в ближайшее время. Что король Людовик твердо отверг, посоветовавшись с верховной знатью своего королевства. Этих послов он все же почетно держал в Париже и с миром направил их прямо к папе Александру”⁶¹.

Под влиянием всех этих известий Александр IV принял решение о созыве общеевропейского собора католической церкви для обсуждения насущных проблем организации защиты Латинского мира [73, р. 118–119]. Понтифик разослал всем европейским прелатам циркулярную буллу с повелением созвать весной 1261 года синоды во всех церковных провинциях Европы для избрания их представителей и отправления их в Италию на собор, проведение которого планировалось осуществить в Витербо в июле того же года [97, р. 705; 68, р. 402; 51, р. 202]. В частности, в послании Кентерберийскому архиепископу папа разъяснял главную цель созыва собора: “Ибо эти тартары, говорившие, что Бог неба (которого они, несомненно, не знали) приказал им захватить всю землю; завладев уже всеми краями Востока и поправ его народы ... достигли границ Иерусалимского королевства и устремились к ним, чтобы в них вторгнуться ... И также со стороны северного края, через Венгрию, как и Польшу, граничащие с Римской империей, где уже – о горе! – они немало пролили крови христиан, беснующиеся в великой резне народа тех краев, они стремятся к враждебному нападению на Европу, где они замышляют попать сильных предводителей христианства и, опрокинув королевские троны, как и престолы, привести к подчинению мощи своей вселенской монархии. Поэтому лучшим является подумать о принятии надлежащих мер против нависших и близких опасностей, чем ожидать более побуждающего или серьезного возвещения”⁶².

⁶⁰ Очевидно неправильное указание года, поскольку далее францисканский автор из Эрфурта указывает, что татарское посольство прибыло при жизни папы Александра IV, то есть до 25 мая 1261 года, даты смерти понтифика [73, р. 123; 74, р. 236, nota 228; 101, р. 192–193].

⁶¹ Anno Domini 1262. rex Tartarorum misit sollempnes nuncios, circiter 24 nobiles Tartaros cum duobus fratribus ordinis Predicatorum, qui essent interpretes linguarum, ad regem Francie Ludewicum, ut se et totum regnum Francie ditione subiceret Tartarorum; alioquin Franciam impugnaret tempore procedente. Quod Ludewicus rex, habito consilio cum primoribus regni sui, constanter rennuit; ipsos tamen nuncios honorifice Parisius tenuit et usque ad papam Alexandrum pacifice remisit [51, р. 202].

⁶² Cum enim iidem Tartari dicentes totam terram eis obtinendam tradidit Deus coeli, quem utique non noverunt, jam omnibus Orientis partibus occupatis et populis conculcatis ... ad regni Jerosolymitani fines pervenerunt eosque impetunt invadendos ... Cumque a parte septentrionali per Hungariam atque Poloniam imperio Romano conterminas, ubi jam, proh dolor! non parum Christiani sanguinis profuderunt, valida in populum illarum partium caede bacchati, hostilem attemptent aditum in Europam, ubi fortia Christianitatis capita conterere cogitant, et regum

Однако внезапная смерть Александра IV в мае 1261 года помешала осуществлению планов понтифика [73, p. 119]. Под влиянием известий об очевидном спаде военной активности кочевников (несомненно, связанных с началом длительного конфликта между улусами Джучидов и Хулагуидов), его преемник, папа Урбан IV отказался от проведения собора в Витербо и вскоре посвятил все свое внимание организации параллельных крестовых походов против греческого императора Михаила VIII Палеолога и своего главного политического противника, короля Сицилии Манфреда [93, nos. 102, 2908, 2912, 2973; 101, p. 190–193].

Возвращаясь к началу проповедования крестового похода в июне 1258 года, здесь следует констатировать явную неудачу попытки папы Александра IV организовать сопротивление назревающему татарскому нападению: в ходе своего вторжения на территорию Малой Польши войска Бурундая не встретили существенного отпора, который должен был быть организован, согласно намерениям папы, путем объединения польских, богемских и германских крестоносцев. Помимо нескончаемых распрей между центрально-европейскими правителями, важнейшей причиной неудачи в организации сопротивления послужило то, что параллельно с проповедованием анти-татарского крестового похода Александр IV настаивал на необходимости продолжить мобилизацию военной и материальной поддержки тевтонским рыцарям для укоренения католической религии среди язычников Пруссии. Уже меньше чем через месяц после того, как Александр IV поручил доминиканцам и францисканцам проповедь крестового похода против татар, понтифик обратился к тем же адресатам в булле от 15 июля 1258 года с призывом не препятствовать альтернативному проповедованию помощи тевтонским рыцарям: “Таким образом, испытывая особое любовное предрасположение к этим братьям [госпиталя Св. Марии тевтонцев] за их столь ясные заслуги и не желая допустить, чтобы по какой-то причине их столь благочестивый и плодотворный труд мог оказаться менее полезным или подвергнуться предосудительной опасности; в силу повиновения мы строго [повелеваем] апостольским посланием вашей осмотрительности, дабы проповедованию креста, которое мы некогда поручили в ясной форме некоторым приорам, министрам и братьям ваших Орден в поддержку этих братьев или других правоверных в упомянутой Ливонии и Пруссии, вы ни в коем случае не позволили мешать под предлогом проповедования против тартар, которое мы недавно предписали вам нашей властью; но дабы лучше, в почтение Бога и нас, вы приложили стойкие и эффективные усилия для того, чтобы вышеназванное проповедование в пользу упомянутых Ливонии и Пруссии преуспело согласно обету, в особенности в связи с тем, что упомянутые братья того же госпиталя, [как] настоящие борцы Христа, готовы, в самой глубине своей души и с неустрашимым духом, положить свою жизнь в подходящем месте и времени для борьбы с тартарами”⁶³.

thronis eversis sedibusque potentum sibi totius orbis adscribere monarchatum, potius est contra incumbentia e vicino pericula de opportunis remediis cogitandum, quam eorum citior aut seriusior enunciatio expetenda [76, I, p. 495–496].

⁶³ *Nos itaque circa fratres ipsos pro tam claris eorum meritis gerentes affectum benivolentiae specialis ac pati nolentes, quod] huiusmodi pius et fructuosus ipsorum labor possit ex aliqua causa fieri minus utilis vel subesse periculis deplorandis, discretione vestre per apostolica scripta*

Кроме того, проповедники крестового похода против татар в Германии подчеркивали необходимость укрепления защиты владений Тевтонского ордена, а не Польши. Проповедование в германских областях имело намного больший успех, чем в других регионах, и в марте 1260 года значительное число добровольцев сконцентрировались в Пруссии, о чем становится известно из адресованного им 21 марта того же года папского послания содержащего призыв подчиниться командованию местного ландмейстера тевтонских братьев: “Освещенные милостью божественного вдохновения, вы смиренно приняли святой знак креста, дабы правоверных Христа, пребывающих в краях Пруссии и приграничных с ней местах, вы смогли, Божьим благоволением, вырвать из рук тартар ... всем вам апостольским посланием повелеваем ... дабы во всем, что будет уместно для борьбы с этими тартарами согласно главе тевтонских рыцарей (которому нашим письмом мы поручили, чтобы он стал вашим капитаном и главным предводителем) и вышеназванных братьев, вы постарались следовать их совету и действовать со смиренным умом и преданнейшим сердцем так, чтобы в единодушном согласии иметь счастливый исход от попрания этих тартар”⁶⁴.

Очевидно, что эти военные силы не приняли участия в организации отпора вторжению Бурундая (закончившемуся в апреле того же года), и, в ожидании возможного нападения татар, крестоносцы, подчиненные командованию прусского ландмейстера, могли быть задействованы в альтернативных военных действиях для достижения более актуальных целей тевтонских рыцарей. Одновременно, в битве у озера Дубре, произошедшей 13 июля 1260 года, войско литовского князя Миндовга нанесло сокрушительное поражение тевтонским братьям, следствием которого было повсеместное восстание язычников-пруссков, охватившее владения Тевтонского ордена в Самбии, Вармии, Натангии, Бартии и Погезании [22, с. 408; 78, р. 90]. Обеспокоенный самым крупным поражением, понесенным тевтонскими братьями со времен основания Ордена, Александр IV принял решение интенсифицировать проповедование крестового похода против язычников Пруссии в тех областях, в которых была развернута параллельная пропаганда анти-татарского крестового похода [24, с. 42]. В частности, папа обращался к богемскому королю

in virtute obedientie districte precipiendo [mandamus], quatinus predicationem crucis, quam pro subsidio eorundem fratrum et aliorum fidelium de predictis Liunia et Prussia per quosdam priores et ministros ac fratres ordinum vestrorum olim [sub certa] forma mandavimus, pretextu predicationis, que auctoritate nostra vobis de novo contra Tartaros est commissa, impedire nullatenus presumatis, sed potius pro divina et nostra reverentia [virilem et] efficacem detis operam, ut premissa predicatio, que fit pro supradictis Liunia et Prussia, proficere valeat iuxta votum, maxime cum predicti fratres hospitalis eiusdem [tamquam] veri Christi pugiles animam suam pro impugnatione Tartarorum ipsorum oportuno loco et tempore affectu promptissimo et corde imperterrito ponere sint parati [90, no. 61, s. 55–56].

⁶⁴ Inspirationis divine gratia illustrati assumpsistis humiliter crucis sancte signaculum, ut Christi fideles in Prussia partibus et locis conterminis constitutos possitis deo propitio eripere de manibus Tartarorum ... universitati vestre per apostolica scripta mandamus ... quatinus in cunctis, que ad impugnationem Tartarorum ipsorum fuerint oportuna, secundum preceptoris eiusdem, cui per litteras nostras commisimus, quod omnium vestrum capitaneus ac dux principalis existat, et predictorum fratrum consilia proficisci et agere mente humili et corde devotissimo studeatis, ita quod de conterendis eisdem Tartaris per unanimum concordiam felicem habeatis exitum [90, no. 98, s. 84–85].

Отакару II с просьбой не препятствовать организации более актуальной военной кампании, несмотря на то, что ранее понтифик добился от него согласия возглавить крестовый поход против татар [90, no. 111, s. 101]; и понтифик адресовал послания со схожим содержанием маркграфу Бранденбурга и ряду германских прелатов [90, no. 112, s. 102, no. 113, s. 102–103]. И наконец, 8 апреля 1261 года Александр IV поручил епископам Куявии и Кульма призвать всех добровольцев, принявших крест против татар, к борьбе с язычниками-пруссцами с сохранением всех прежних духовных привилегий: “мы повелеваем, дабы, если провидением божественной милости уже окажется, что тартары полностью удалились из этих регионов, и у правоверных этих регионов не будет также никакого страха или подозрений в отношении их набегов; вы или лица, для того пригодные, как можно эффективнее склонили благочестивыми внушениями тех, кто принял крест против тартар в страхе перед их нападением на эти же регионы, чтобы они оказали, без какой-либо задержки, мужественную и мощную поддержку братьям и правоверным в вышеназванных Ливонии и Пруссии против свирепости язычников, благодаря чему они будут иметь то прощение своих грехов, которое они получили бы в сражении против этих же тартар”⁶⁵. Очевидно, что Александр IV принял это решение под влиянием сведений о спаде военной активности татар на восточных границах Латинского мира; и остается только догадываться, насколько эффективное сопротивление смогли бы оказать центрально-европейские правители в случае возобновления наступления Бурундая.

В свою очередь королевство Венгрии осталось в стороне от конфликта, избежав татарского вторжения. В 1259 году Берке обратился к венгерскому королю Беле IV с требованием заключения военного союза в преддверии нападения татар на Малую Польшу, о чем становится известно из ответа папы Александра IV венгерскому монарху от 14 октября того же года: “Кроме того, ты прибавил, что поскольку тебе не хватает своих сил для сопротивления стольким врагам; в случае, если ты оказался бы в конце концов лишенным помощи Апостольского престола, ты подумал бы, хоть и против воли и с болью, соединиться с тартарами в мире и союзном договоре, к которому они тебя много раз призывали своими увещаниями и просьбами. Ибо они предложили тебе, согласно содержанию последовательно изложенного тобой повествования, чтобы, в зависимости от твоего выбора, либо женить дочь тартарского правителя на твоём сыне, либо выдать замуж твою дочь за его сына. Однако заключение мирного договора предполагало ясно выраженное условие того, что твой сын с четвертой частью твоего народа будет предшествовать тартарам для уничтожения христианского народа, заручившись военной клятвой, что он получит пятую часть добычи и добра, которыми они овладеют после подчинения или уничтожения христиан. К этому было прибавлено, что ты будешь избавлен от их дани и налога с имущества,

⁶⁵ Mandamus, quatinus, si disponente divina clementia iam provenit, quod Tartari omnino de regionibus ipsis abierint nullusque timor vel dubietas a fidelibus regionum ipsarum de illorum incursibus habeatur, cruce signatos contra Tartaros, qui aggressuri regiones easdem hatenus (!) timebantur, sicut efficacius poteritis, per vos et alios ad hoc ydoneos piis monitis inducatis, quod fratribus et fidelibus predictarum Liuonie et Pruscie sine dilatione aliqua contra paganorum sevitiā subveniant viriliter et potenter illam propter hoc peccatorum suorum veniam habituri, quam pro impugnandis eisdem Tartaris obtinerent [90, no. 134, s. 111].

и их множество не вторгнется в твои границы; а также то, что состав посольств представителей, которых им понадобится к тебе отправить для разрешения каких-либо неотложных дел, не будет превышать ста персон⁶⁶. Очевидно, что Бела IV прибег к своему рода шантажу, угрожая папе уступить требованиям Берке в случае, если он будет лишен конкретной поддержки Апостольского престола. Понтифик, со своей стороны, подчеркивал, что принятие татарского ультиматума поставило бы под сомнение доброе имя любого христианского правителя, и указывал на ненадежный характер всякого политического договора, заключенного с татарами: “тем не менее с отвращением должен бы отвергнуть наихристианнейший правитель, как и любые царства мира, даже во имя сохранения жизни или светских интересов своих царств, предпочтение настолько отвратительной и столь же постыдной западне ... упомянутые тартары посредством козней коварных пактов совратили многие народы в сети обмана, из которых нет возможности выпутаться. Ты не сможешь наслаждаться среди них правом привилегии так, чтобы они незыблемо исполняли бы свои обещания и договоры в то время, как они не соблюдают их с другими⁶⁷. Далее Александр IV ясно давал понять венгерскому соврану, что его попытка политического шантажа оказалась безуспешной, и отказывал ему в какой-либо конкретной помощи: “Однако да не покажется незаслуженным высочеству королевского величия, если не тебе выпадет черед быть удовлетворенным в поддержке тысячей арбалетчиков, о которой ты просил нас среди прочего. Поскольку мы уверены, что они принесут намного больше пользы, чем если бы Апостольский престол предоставил их теперь тебе. Римская церковь в свою очередь настолько подавлена напряжением чрезмерных забот и столь же отягощена бременем обязательств, что единодушно всем должно стать понятно, что поскольку она не сможет сделать это надлежащим образом, она не примется поднимать дополнительные ноши⁶⁸”.

⁶⁶ Adiecisti preterea, quod cum ad resitendum tantis hostibus non tibi sufficiant vires tue, si dicte sedis auxilio modo finaliter destitui te contingat, cogeris licet invitus et dolens cum illis pacis et unionis federa copulare, ad que ipsorum monitis et precibus pluries invitaris. Offerunt enim tibi, sicut tue narrationis series continebant, ut secundum optionem tuam vel filio tuo filia principis Tartarorum, vel filio eius filia tua matrimonio coniungatur. Venire tamen in federe pacis debet expressa conditio, ut filius tuus cum quarta populi tui parte precedat eosdem Tartaros ad exterminium populi christiani, habiturus iure belli quintam de spoliis et bonis, que subactis vel deletis christianis invaserint, portionem: addito, quod ab ipsorum tributo vel censum habearis immunis, et illa multitudo non introeat fines tuos; sed et nuntiorum comitiva, quos tibi ab eis aliquando negotiorum exigentia suaserit destinari, centenarium numerum non excedat [107, I, no. 454, p. 240].

⁶⁷ Abhorreere tamen deberet christianissimus princeps, etiam regna quelibet mundi, etiam denique vitam propriam et suorum regnis temporabilibus preferendam sibi tam detestabilibus, tamque probrosis compendiis preservare ... predicti Tartari per insidiosas pactionum tendiculas plures gentes seduxerint in laqueos inexplicabilis captionis, illo prerogative privilegio apud eos gaudere non poteris, ut tibi promissorum conventorumque suorum servent constantiam, quam aliis non observant [107, I, no. 454, p. 240].

⁶⁸ Non autem ferat indigne sublimitatis regie altitudo, si de mille Balistariorum subsidio, quod a nobis inter cetera postulasti, non est tibi eo quo requisisti ordine satisfactum, quia multo maius auxilium ex hiis, que nunc tibi a sede apostolica conceduntur, credimus proventurum. Romanam quidem ecclesiam tot premunt ardue occupationis molimina totque gravant sarcine

Письмо папы Урбана IV, адресованное венгерскому соврану 28 января 1264 года, указывало на то, что притязания Берке оставались в силе и через 4 года: “По очевидным фактам тобой и всеми правоверными королевства Венгрии признается, как, к прискорбию христианского народа, постыдная дикость тартар прилагает свою силу к уничтожению христианской религии. Обоснованно поэтому мы не только потрясены изумлением, но должны впасть в замешательство в связи с тем, что некоторыми заслуживающими доверия людьми со встревоженной душой и со слезами на глазах нам утверждалось, что по внушению обманчивого лукавства этих тартар посредством некоторых их ложных послов или, скорее, тлетворных шпионов, ты и возлюбленный сын наш и твой первенец, король Иштван, стремись скватать себя с ними родственной связью или соединиться каким-либо дружественным договором; так, что почти кажется, что ты, этот первородный сын и другие персоны упомянутого королевства настолько явно склонны к простоватости, что не хотите неизменно помнить о том, сколько крови невинных было пролито тартарами в упомянутом королевстве”⁶⁹.

Венгерский монарх, очевидно, смог отклонить требования Берке, но, по всей видимости, он сделал это наиболее тактичным образом. Бела IV, вероятно, признал формальную зависимость от татарского правителя и выплачивал ему нерегулярную дань всякий раз, когда татарские послы прибывали к королевскому двору с официальной угрозой военного вторжения [27, с. 135; 100, р. 58]. Прибытие первого татарского посольства в Венгрию документально засвидетельствовано в 1263 году [в копии 1271 года; см ссылку в: 73, р. 222, nota 31]. Но наиболее подробно дипломатические обмены между татарами и венграми освещает дарственная грамота короля Иштвана V от 10 декабря 1270 года, описывающая предыдущие события, произошедшие в период совместного правления Иштвана в Венгрии вместе с его отцом, Белой IV: “Ибо в первый раз, когда неожиданное тартарское бедствие (увы, не оставляющее в забвении прошлые опустошения) хотело ворваться в наше королевство в желании умертвить на острие меча наш остающийся народ; мы возложили бремя столь важной миссии на плечи этого Бана Поница и направили его в качестве нашего посла к царю или императору тартар. Он же привез оттуда жителям нашего королевства ликование взамен ужаса, радость вместо горя и надежду на сохранение жизни взамен отчаяния. И после того, как в течение нескольких лет процветания люди нашего королевства наслаждались желанным спокойствием, почти не помня о предшествовавшем страхе; вдруг, по побуждению наших соседей, эти же тартары подготовились

debitorum, quod equanimiter accipi debet, si cum non possit commode, ad alia onera non assurgit [107, I, no. 454, p. 241].

⁶⁹ Per facti evidentiam tibi et universitati fidelium de regno Ungarie in populum deplorandum agnoscitur, qualiter dampnabilis feritas Tartarorum suam potentiam ad christiane religionis exterminium experitur. Digne igitur non solum admiratione concuti, sed debemus etiam stupore perfundi, dum per aliquos fidedignos, corde tamen anxios et oculis lacrimosos, nobis asseritur, quod tibi a Tartarorum ipsorum calliditate subdola per quosdam fallaces ipsorum nuntios, vel potius exploratores pestiferos, suadetur, ut tu et Karissimus in Christo filius noster Stephanus rex primogenitus tuus eis astringi parentele vinculo vel uniri quocunque amicabile federe studeatis, quasi te ac primogenitum ipsum et alias predicti Regni personas inclinatas et discretas ita fore simplices arbitrentur, ut nolitis iugiter habere pre oculis, qualis in iamdicto regno facta per ipsos olim fuerit effusio sanguinis innocentis [107, I, no. 483, p. 264].

в своих устремлениях и душах к войне и направили к нам заранее неких послов с объявлением о своем вторжении в наше королевство. Выслушав их, мы направили вновь к тем же тартарам того же Бана Поница, где он, собрав все свои силы, сдержал их руки, уже подстрекаемые против нас к оружию, и отклонил их стараниями своей верности и врожденного свойства неподкупности, вернув, тем самым, как нам, так и нашим людям яство желаемого успокоения”⁷⁰. Вероятно, оба посольства Бана Поница сопровождались представлением обильных подарков “императору” татар, под которым, по всей видимости, имеется в виду хан Золотой Орды, Менгу-Тимур. Выплата дани татарам должна была продолжаться и позже, и в 1288 году архиепископ Эстергома открыто обвинял короля Ласло IV в признании своего подчинения хану Тула-Буге [см. ссылку в: 73, p. 222, nota 32]. Хотя возмущение эстергомского прелата имело поддельный характер и было, скорее, связано с ухудшением отношений между венгерским монархом и местным духовенством: Ласло IV последовательно продолжал дипломатическую политику, которой придерживались до этого его дед и отец [73, p. 201].

Параллельно с этими дипломатическими сношениями, Бела IV использовал аргумент “татарской угрозы” в своей переписке с папской курией для достижения уступок со стороны Апостольского престола. Схожим образом он использовал в 1263 году этот довод для оправдания в глазах своих подданных заключения невыгодного мирного договора с богемским королем Пржемыслом Отакаром II: “Но одного, среди прочего, мы не можем обойти молчанием, что когда мы воевали с королем Богемии не без ущерба для обеих сторон и находились в великом замешательстве ... тем не менее нападение тартар, услышавших таким образом о раздорах и приблизившихся к границам нашего королевства, мы не могли унять другим способом, как только заключением родственной связи между нами и упомянутым королем Богемии, дав ему в жены нашу внучку”⁷¹.

Со своей стороны, Отакар II без всяких оснований обвинял Бела IV в использовании военной помощи татар наряду с рядом других врагов католической церкви, утверждая, что ему пришлось защищать свое королевство в ходе недавно закончившегося конфликта от: “Белы и его же сына Иштвана,

⁷⁰ *Primo enim, cum inopinata Tartarorum calamitas, prohdolor, pristina deuastationis non inmemor, reliquias populi nostri in ore gladij consumere cupientes Regnum nostrum adire hostiliter voluissent, nos molem tanti negocij humeris ipsius Ponych Bani imponentes, misimus eum in legacione nostra ad Regem seu Imperatorem Tartarorum; vnde idem loco formidinis leticiam, meroris gaudium, et desperacionis spem incolis Regni nostri de sua uita conseruanda laudabiliter reportauit. Et cum quibusdam annis in prosperitate peractis homines Regni nostri metus quasi preteriti inmemores fruerentur tranquillitate peroptata; ecce per incitationem vicinorum nostrorum idem Tartari actus et animos habentes ad bellum preparatos, de eorum ad Regnum nostrum introitu nobis quasdam legaciones premiserunt, quibus auditis eundem Ponych Banum ad eosdem Tartaros transmisisimus iterato; vbi virtutem virtutibus cumulando, manus illorum contra nos iam ad arma incitatas fidelitatis sue studio, et innate probitatis ingenio pescucuit reuocando, reddendo in hoc tam nobis quam nostris hominibus quietis optate nutrimentum [59, no. 258, p. 347–348].*

⁷¹ *Hoc vnum non possumus inter cetera sub silentio praeterire, quod, guerantibus nobis cum Rege Boemorum, et non sine dampno vtriusque partis, constitutis in turbatione maxima ... insultus nihilominus Tartarorum, qui huiusmodi dissensionibus auditis, regni nostri fines attigerant, quum aliter pacari non possemus, nisi inter nos et predictum Regem Boemorum ordinassemus parentelam, dando sibi in matroimonium neptem nostram [60, IV/3, p. 101].*

славных королей Венгрии; и Даниила, короля России и его детей; и других рутенов и тартар, которые пришли на подмогу; и князей Болеслава Краковского и молодого Лешека Лансатского; и бесчисленного множества бесчеловечных людей, куманов, венгров и разных славян, секеев; как и валахов, печенегов и измаилитов; также схизматиков, а именно, греков, болгар, сербов и боснийских еретиков⁷². В действительности, богемскому монарху не пришлось столкнуться с татарами за все время его правления. Однако Отакар II не преминул упомянуть свои непомерные усилия в защите христианских земель от татар в ходе территориальных споров с Рудольфом I Габсбургом: “1277. Когда упомянутому господину, Римскому королю Рудольфу, все комиты и бароны, как и коммуны городов и граждан ... добровольно подчинились ... господин Отакар, пятый король Богемии, удерживавший Австрию, Штирию, Каринтию, Карниолу и Порденоне в то время, пока имперский трон оставался вакантным, не хотел их уступать, говоря, что он владел этими землями в доброй вере и законном праве, как и апостольскими повелениями и поручениями, сделанными в свое время, и что он защищал их от нападений венгров, куман и тартар в течение двадцати четырех лет с тяжелыми издержками и усилиями, и более того, не только потерей многих своих людей, но пролитием собственной крови⁷³. Подчеркивание личных заслуг в защите христианских рубежей от татар или, напротив, обвинение персональных противников в пособничестве татарам уже стали распространенными и эффективными инструментами политической пропаганды.

Благодарности

Выражаю особую благодарность Владиславу Гулевичу, не пожалевшему своего ценного времени для того, чтобы тщательно вычитать черновик данной статьи и указать на ряд неточностей, допущенных ее автором. Разумеется, исключительно автор настоящей статьи остается целиком и полностью ответственным за те потенциальные ошибки, которые могут быть выявлены после ее публикации.

⁷² Aduersus Belam, et natum eiusdem Stephanum, Vngarie reges illustres, et Danielem, Regem Passe (Russie) et filios eius, et ceteros Ruthenos et Thartaros qui in auxilium venerant, et Boleslaum Cracouiensem, et Lozkonem (Lestkonem) iuuenem Lansatie (Lusatiae) duces, et innumeram multitudinem inhumanorum hominum, Cumanorum, Vngarorum et diuersorum Sclauorum, Siculorum quoque et Valachorum, Bezzenninorum, et Ismaelitarum, Schismaticorum etiam, vtpote Graecorum, Bulgarorum, Rasiensium (Rascianorum) et Bosnensium haereticorum [60, IV/3, p. 15–16].

⁷³ 1277. Cum predicto domino Rudolfo Romanorum regi omnes comites et barones ac communitates civitatum et civium ... se sponte subderent ... dominus Otakarus, quintus Bohemorum rex, qui Austriam, Styriam, Carinthiam, Carniolam ac Portum Naonis tempore vacantis imperii tenuerat, resignare noluit, dicens, quod easdem terras bona fide et iusto titulo possideret, ac ex mandatis et commissionibus apostolicorum, qui tempore suo fuerant, contra insultus Ungarorum, Comanorum et Tartarorum per viginti quatuor annos cum gravibus sumptibus et laboribus, immo et multa impensa non solum suorum set etiam proprii sanguinis defensasset [57, p. 410].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. 334 с.
2. *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 22–30.
3. *Войтович Л.В.* Король Данило Романович: політик і полководець // Доба Короля Данила в науці, мистецтві, літературі (Матеріали міжнародної наукової конференції. 29–30 листопада 2007 р. Львів). Львов, 2008. С. 22–97.
4. *Волощук М., Стасюк А.* Про похід палатина Віллерма in Ruteniam у квітні. 1340 р. // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Вип. 17. Івано-Франківськ: Прикарпатський Національний Університет, 2010. С. 46–54.
5. *Горский А.А.* Александр Невский // [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.a-nevsky.ru/library/gorskiy-aleksandr-nevskiy.html>
6. *Горский А.А.* Два “неудобных” факта из биографии Александра Невского // [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/4.htm>
7. *Гулевич В.* Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць / Відп. ред. Г. В. Боряк; Упорядники: В. В. Томазов, І. К. Хромова. Число 22–23. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2013. С. 138–178.
8. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 201 с.
9. *Дашкевич Я.* Угорська експансія на золотоординське Поділля 40-х – 50-х рр. XIV ст. // Україна в минулому. Вип. V. Київ–Львів, 1994. С. 32–65.
10. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
11. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2 / Шахматов А.А. (ред.). М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 638 с.
12. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы: “Дайк-Пресс”, 2005. 711 с.
13. *Костюков В.П.* “Железные псы” Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск, 2008. С. 43–96.
14. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1 / Карский Е.Ф. (ред.). М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 267 с.
15. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1885. 244 с.
16. *Майоров А.В.* Монголы, Никея и Рим в середине XIII столетия // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 193–208.
17. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и крестовый поход в Пруссию // Русин. Международный исторический журнал. № 4/26. Кишинев: Общественная организация “Русь”, 2011. С. 26–43.
18. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа // Серия: Studiorum Slavicorum Orbis. Вып. 1. СПб.: “Дмитрий Буланин”, 2011. 800 с.
19. *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. М.: Индрик, 2002. 488 с.
20. *Найберский К.Е.* Русско-ливонские акты = Russisch-Livländische Urkunden. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. xxiii + 462 с.
21. *Параска П.Ф.* Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Historylib.org, 1975. [Электронный ресурс].

ронный ресурс]. Адрес доступа: http://historylib.org/historybooks/pod-red--G-S--Grosula_Karpato-Dunayskie-zemli-v-Srezhnie-veka/4

22. Пацуто В.Т. Образование литовского государства. М.: АН СССР, 1959. 531 с.
23. Пацуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 331 с.
24. Сарновский Ю. Противостояние Немецкого ордена монголам и туркам // Европа. Вып. VIII. Тюмень, 2008. С. 39–47.
25. Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Диссертационная работа на соискание ученой степени доктора исторических наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. 595 с.
26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 579 с.
27. Узелац А. Под сенком пса. Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 324 с.
28. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия // Золотоордынская цивилизация. № 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 96–112.
29. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII–XIV ст.) / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України, 2014. 387 с.
30. Черкас Б. Синьоводська битва 1362 року: історичний нарис. Київ: Інститут історії України, 2012. 127 с.
31. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
32. Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 686–690.
33. Щавелева Н.И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1979. С. 307–314.
34. Acta Alexandri P.P. IV (1254–1261) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III, Vol. IV/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1960–1966. xxviii + 162 p.
35. Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Täutu A.L. (ed.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VIII. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1958. xvi + 260 p.
36. Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III, Vol. IV/1. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1962. xlv + 226 p.
37. Acta Ioannis P.P. XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Täutu A.L. (ed.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VII/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. xix+ 302 p.
38. Annales Augustani minores // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. X / Pertz G.H. (ed.). Stuttgart: Monumenta Germaniae Historica, 1852, pp. 8–11.
39. Annales ecclesiastici Caesaris Baronii. 37 Vols. / Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1864–1883.
40. Annales S. Stephani Frisingenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XIII / Waitz G. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1881, pp. 50–60.

41. *Annales Sancti Rudberti Salisburgenses* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. IX / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: *Monumenta Germaniae Historica*, 1851, pp. 760–810.
42. *Annales Sandivogii* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XXIX / Waitz G. (ed.). Hannover, München: *Monumenta Germaniae Historica*, 1892, pp. 424–430.
43. *Annales Wratislavienses antiqui et annales magistratus Wratislaviensis* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XIX / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: *Monumenta Germaniae Historica*, 1866, pp. 526–531.
44. *Benedictus Polonus. Relatio* / Van den Wyngaert A. (ed.) // *Sinica Franciscana*. Vol. I. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1929, pp. 135–143.
45. *Berend N. At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and “Pagans” in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. xvii + 340 p.
46. *Bullarium Franciscanum*. Vol. 5. *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII.* monumenta / Eubel C. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p.
47. *Bullarium Franciscanum*. Vol. 6. *Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI* documenta / Eubel C. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p.
48. *C. de Bridia. Hystoria Tartarorum* / Önnersfors A. (ed.). Berlin: de Gruyter, 1967. x + 44 p.
49. *Chronica Heinrici Surdi de Selbach = Die Chronik Heinrichs Taube von Selbach* / Bresslau H. (ed.). Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1922. lxxvii + 167 p.
50. *Chronica Iohannis Vitodurani = Die Chronik Johans von Winterthur* / Baethgen F., Brun C. (ed.). Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1924. xxxvii + 332 p.
51. *Chronica minor auctore minorita Erphordiensi* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XXIV / Waitz G. (ed.). Hannover, München: *Monumenta Germaniae Historica*, 1879, pp. 178–213.
52. *Chronicon fratris Salimbeni de Adam* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XXXII / Holder-Egger O. (ed.). Hannover, München: *Monumenta Germaniae Historica*, 1913, pp. 1–652.
53. *Chronicon Moguntinum* / Hegel K. (ed.). Hannoverae: impensis bibliopolii Hahniani, 1885. xxi + 103 p.
54. *Codex Diplomaticus Hungaricus Andegavensis = Anjoukori okmánytár*. 7 Vols. / Nagy I. (ed.). Budapest: A Magyar tudományos akadémia, 1878–1891.
55. *Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae bullae pontificum nec non jura a privatis data ab antiquissimis inde temporibus usque ad annum 1506 = Kodex dyplomatyczny Polski*. Vol. I / Helcel A.Z., Muczkowski A., Ryszczewski L. (eds.). Varsaviae: Strąbski, 1847. xxiii + 367 p.
56. *Codex diplomaticus Prussicus*. Vol. 3 / Voight J. (ed.). Königsberg: Bornträger, 1848. xxiv + 200 p.
57. *Continuatio Altahensis* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XVII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: *Monumenta Germaniae Historica*, 1861, pp. 408–416.
58. *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll'aiuto dei testi a penna*. Volume 5 / Gherardi Dragomanni F., Moutier I. (eds.). Milano: Borroni e Scotti, 1848. 594 p.
59. *Documente privitoare la istoria Românilor*. Vol. I. 1199–1345 / Hurmuzaki E., Densușianu N. (eds.). București: Ed. Academiei Române, 1887. xxx + 701 p.
60. *Fejér Gy. Dissertationes in res Hungariae veteris historico-criticae*. 11 Vols. Budae: Typis typogr. Regiae Universitatis Vngaricae, 1829–1844.

61. *Fontes rerum Bohemicarum = Prameny dějin českých*. Vol. 4 / Emler J. (ed.). Praha: Nákl. Nadání Františka Palackého, 1884. xxviii + 571 p.
62. *Fontes rerum Germanicarum = Geschichtsquellen Deutschlands*. 4 Vols. / Böhmer J.F., Huber A. (eds.). Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag, 1843–1868.
63. *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Daffinà P., Leopardi Cl., Lungarotti M.C., Menestò E., Petech L. (eds.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989. viii + 522 p.
64. *Gładysz M*. Forgotten Crusaders: Poland and the Crusader Movement in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2012. xxv + 433 p.
65. *Golubovich G*. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.
66. *Guglielmo di Rubruk*. Viaggio in Mongolia (Itinerarium) / Chiesa P. (ed.). Torino: Arnoldo Mondadori Editore, 2011. xviii + 530 p.
67. *Heinrici de Heimburg annales // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XVII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 711–718.
68. *Hermannii Altaheensis annales // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XVII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 381–408.
69. *Historiae Hungaricae fontes domestici*. P. 1. Scriptorum. Vol. 3 / Florianus M. (ed.). Quinque-Ecclesiis [Pécs]: Taizs, 1884. v + 276 p.
70. *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Vol. VII–VIII. Varsaviae: Wydawn. Nauk. PWN, 1975. 431 s.
71. *Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. 2 Vols. / Schneider F. (ed.). Hannoverae, Lipsiae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909–1910.
72. *Jackson P*. Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255) // *The Cambridge Companion to Francis of Assisi* / Robson M.J.P. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012, pp. 224–239.
73. *Jackson P*. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, UK: Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv + 414 p.
74. *Jackson P*. The Dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal*. № 22. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1978, pp. 186–244.
75. *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa*. Vol. I. Krakowie: Nakl. Akademii Umiejetnosci Krakowskiej, 1879. lxxx + 370 s.
76. *Luard H.R*. Annales monastici. 5 Vols. London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864–1869.
77. *Lupprian K.-E*. Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981. 328 s.
78. *Maier Ch.T*. Preaching the Crusades: Mendicant Friars and the Cross in the Thirteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. x + 202 p.
79. *Melloni A*. Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della Cristianità come Regimen Unius Personae. Genova: Casa Editrice Marietti, 1990. x + 311 p.
80. *Menkonis chronicon // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XXIII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1874, pp. 523–561.
81. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. 4 Vols. Strigonii, Budapestini: Typis descripsit Aegydius Horák, Archivum Primatiale, 1874–1999.
82. *Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski*. 6 Vols. / Bielowski A. (wyd.). Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1960–1961.
83. *Monumenta Poloniae historica, Series nova = Pomniki dziejowe Polski, Seria 2*. Kraków: Polska Akademia Umiejetności, 1946–.
84. *Monumenta Poloniae Vaticana*. Vol. 3 *Analecta Vaticana: 1202–1366* / Ptaśnik J. (ed.). Cracoviae: Academia Litterarum Cracoviensi, 1914. lvi + 572 p.

85. Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Vol. 2. Zagrabiae: Župan (Albrecht et Fiedler), 1870. xxxvi + 464 p.
86. Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften deutscher Geschichten des Mittelalters. Band 2. Berlin: Weidmann, 1877.
87. *Pelensky J.* The Contest between Lithuania and the Golden Horde in the fourteenth century for Supremacy over Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. № 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1982, pp. 303–320.
88. *Pelliot P.* Les Mongols et la Papauté // Revue de l'Orient chrétien. № 8/28. Paris: Bureau des oeuvres d'Orient, 1931, pp. 3–84.
89. Preußisches Urkundenbuch. Bd. 1. Die Bildung des Ordensstaates. Hälfte 1 / Philippi R. (hrsg.). Königsberg i. Pr.: Hartung, 1882. 240 s.
90. Preußisches Urkundenbuch. Bd. 1. Die Bildung des Ordensstaates. Hälfte 2 / Seraphim A. (hrsg.). Königsberg i. Pr.: Hartung, 1909. xiii + 724 s.
91. *Rachewiltz Igor de.* Papal Envoys to the Great Khan. London: Faber, 1971. 230 p.
92. Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica = Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikái jegyzéke. II. Köt. 4. Füz. 1290–1301 / Szentpétery I., Borsa I. (eds.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987. 336 p.
93. Les Registres d'Urbain IV. 4 Vols. / Guiraud J. (ed.). Paris: De Boccard, 1899–1901.
94. *Richard J.* La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p.
95. *Richard J.* Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis a Sartaq // Journal des Savants. Paris: Académie des inscriptions & belles-lettres, 1977, pp. 49–61.
96. *Rodenberg C.* Epistolae saeculi XIII regestis pontificum romanorum selectae. 3 Vols. München: Monumenta Germaniae Historica, 1982.
97. *Salimbene di Adam.* Cronica / Nobili C.S. (ed.). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2002. xxviii + 1215 p.
98. Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. 5 Vols. / Hirsch Th., Töppen M., Strehlke E.G.W. (eds.). Leipzig: Hirzel, 1861–1874.
99. *Sinor D.* John of Plano Carpini's Return from the Mongols: New Light from a Luxemburg Manuscript // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. № 3–4. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1957, pp. 193–206.
100. *Sinor D.* Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // Cahiers d'Histoire Mondiale. № 3. Paris: Librairie des Meridiens, 1956, pp. 39–62.
101. *Soranzo G.* Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Milano: Vita e pensiero, Pubblicazioni Dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p.
102. *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2009. xvii + 545 p.
103. *Spuler B.* Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland 1223–1502. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965. xviii + 638 s.
104. *Strayer J.R.* The Political Crusades on the Thirteenth Century // A History of the Crusades. Vol. II. The Later Crusades, 1189–1311 / Setton K.M., Wolff R.L., Hazard H.W. (eds.). Madison: University of Wisconsin Press, 1969, pp. 343–375.
105. *Szcześniak B.* Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relation and the Vinland Map // Journal of the American Oriental Society. № 86/4. New Haven: American Oriental Society, 1966, pp. 373–376.
106. *Szentpétery I.* Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum. 2 Vols. Budapestini: Academia litter. hungarica atque Societate

histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938.

107. *Theiner A.* Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia. 2 Vols. Romae: Typ. Vaticanis, 1859–1860.

108. *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita. 4 Vols. Romae: Typis vaticanis, 1860–1864.

109. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. 2 Vols. / Zimmermann F., Warner C. (eds.). Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2007.

110. The Vinland Map and the Tartar Relation / Skelton R.A., Marston Th.E., Painter G.D. (eds.). New Haven: Yale University Press, 1965. xii + 291 p.

111. *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255 // The Collected Works of Eric Voegelin. Vol. 10. Published Essays 1940–1952 / Sandoz E. (ed). Columbia and London: University of Missouri Press, 2000, pp. 76–125.

112. *Wenzel G.* Codex diplomaticus Arpadianus continuatus = Árpádkori új okmánytár. 12 Vols. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1860–1874.

113. *Zimmermann H.* Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung. Köln: Böhlau Verlag, 2011. xi + 246 s.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу (90014, ул. Пети Кайтера, 1, Оулу, Финляндия). E-mail: virisequisque@hotmail.com

Поступила 31.03.2016 г.

Принята к публикации 5.06.2016 г.

FROM BATU TO JANYBEK: MILITARY CONFLICTS OF THE ULUS OF JOCHI WITH POLAND AND HUNGARY (I)

R. Hautala^{1,2}

¹ *Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu 90014, Finland
E-mail: virisequisque@hotmail.com*

The author of this article examines a number of military conflicts between the ulus of Jochi and both Hungary and Poland followed the first invasion of the Tatars in these lands in 1241. For the most part, the author's analysis is based on information of synchronous Latin sources in comparison with information contained in Russian and Mamluk chronicles. In addition to the Hungarian, Polish, and German chronicles, the author resorts to the use of the contents of the papal letters to Eastern Europe, which provide both the most reliable information about military conflicts and information on the Papal Curia's measures to improve the defense of eastern borders of the Latin world from the Tatar raids.

The article examines the political events in chronological order, according to the reigns of the Jochid rulers. During the reign of Batu, Latin sources indicate extreme concern about the possible resumption of the western expansion of the Tatars in spite of the fact that, in reality, Tatar military activity on the eastern borders of Catholic Europe had an extremely minor character. On the contrary, during the reign of Berke, Tatars carried a very destructive raid on Lesser Poland. However, further Tatar expansion was interrupted by an unexpected collapse of the Mongol Empire. The subsequent reign of khan Mengu-Timur was distinguished with relative tension with the Catholic Europe, but the actual attack on Hungary and Poland took place only under the khans Tuda-Mengu and Tula-Buga.

Later, under the khans Tokhta and Uzbek, the tension between the Golden Horde and Catholic Europe weakened considerably, which, in particular, allowed the beginning of the Hungarian territorial expansion into Moldova. However, the end of the reign of Uzbek Khan was characterized by a sharp deterioration of relations between the Golden Horde and Poland, which was associated with the beginning of the war of Galician succession. Analysis of the course of this war shows the apparent weakening of the influence of the Golden Horde in the former Galicia-Volyn principality, which contributed to the further expansion of Poland and Lithuania on the territory of modern Ukraine.

Keywords: Golden Horde, Catholic Europe in the Middle Ages, Tatar invasions, Papal Curia, anti-Tatar Crusades, Latin sources.

For citation: Hautala R. From Batu to Janybek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (1). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 272–313.

Thanks

I express my special gratitude to Vladislav Gulevich who did not spare his valuable time both to carefully check the draft of this article and point to a number of inaccuracies committed by its author. Of course, only the author of this article remains fully responsible for those potential errors that can be identified after its publication.

REFERENCES

1. Boleslav-Yuriy II, knyaz' vsey Maloy Rusi. *Sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslaw-Yuri II, Prince of the Whole Lesser Russia. Collection of materials and studies]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1907. 334 p. (In Russian)
2. Vashari I. Tatarskie pokhody vengerskogo korolya Layosha Velikogo [Tatar Campaigns of the Hungarian King Lajos the Great]. *Golden Horde Civilization*. Is. 3. Kazan, «Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences», 2010, pp. 22–30. (In Russian)
3. Voytovich L.V. Korol' Danilo Romanovich: politik i polkovodets' [King Danilo Romanovich: Politician and Commander]. *Doba Korolya Danila v nauksi, mistetstvi, literaturi* (Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii. 29–30 listopada 2007 r. L'viv) [The Age of King Danylo in Humanities, Art, Literature (Proceedings of the International Conference. 29–30 November, 2007, Lviv)]. L'viv, 2008, pp. 22–97. (In Russian)
4. Voloshchuk M., Stasyuk A. Pro pokhid palatina Villerma in Ruteniam u kvitni. 1340 r. [On the Campaign of Palatine Villerma in Ruthenia in April, 1340]. *Visnik Prikarpats'kogo universitetu. Istorija* [Bulletin of the Precarpathian University. History]. Is. 17. Ivano-Frankivs'k, Prikarpats'kiy Natsional'nyy Universitet, 2010, pp. 46–54. (In Ukrainian)

5. Gorskiy A.A. Aleksandr Nevskiy [Alexander Nevsky]. *Elektronnyy resurs* [Internet publication]. Available at: <http://www.a-nevsky.ru/library/gorskiy-aleksandr-nevskiy.html> (In Russian)

6. Gorskiy A.A. Dva “neudobnykh” fakta iz biografii Aleksandra Nevskogo [Two “Inconvenient” Facts of Alexander Nevsky’s Biography]. *Elektronnyy resurs* [Internet publication]. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/4.htm> (In Russian)

7. Gulevich V. Tuka-Timuridi i zakhidni zemli ulusu Dzhuchi v kintsi XIII–XIV st. [Tuka-Timurids and Western Lands of the Ulus of Jochi at the end of the 13th – 14th centuries]. *Spetsial'ni istorichni distsiplini: pitannya teorii ta metodiki. Zbirka naukovikh prats'* [Special Historical Subjects: Theory and Methods Issues. Collection of research papers]. Vidp. red. G. V. Boryak; Uporyadniki: V.V. Tomazov, I. K. Khromova. Chislo 22–23. Kiev, NAN Ukraïni, In-t istorii Ukraïni, 2013, pp. 138–178. (In Ukrainian)

8. Gustynskaya letopis' [Chronicle of the Gustynsky Monastery]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 40. St. Petersburg, “Dmitriy Bulanin”, 2003. 201 p. (In Russian)

9. Dashkevich Ya. Ugors'ka ekspansiya na zolotoordins'ke Podillya 40-kh – 50-kh rr. XIV st. [Hungarian Expansion in the Golden Horde Podolie in the 1340–50s]. *Ukraïna v minulomu* [Ukraine in the Past]. Vip. V. Kiev, L'viv, 1994, pp. 32–65. (In Ukrainian)

10. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordyy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 245 p. (In Russian)

11. Ipat'evskaya letopis' [Hypatian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Shakhmatov A.A. (red.). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 638 p. (In Russian)

12. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arab Sources]. Vol. 1. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 711 p. (In Russian)

13. Kostyukov V.P. “Zheleznye psy” Batuidov (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [“Iron Dogs” of the Batuids (Shiban and his descendants in the wars of the 13th century)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. No. 1. Ural'sk, 2008, pp. 43–96. (In Russian)

14. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Karskiy E.F. (red.). Moscow, Vostochnaya literatura, 1962. 267 p. (In Russian)

15. Letopisnyy sbornik, imenuemy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Compilation Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 10. St. Petersburg, Tipografiya ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p. (In Russian)

16. Mayorov A.V. Mongoly, Nikeya i Rim v seredine XIII stoletiya [The Mongols, Nicaea, and Rome in the middle of the 13th century]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 5. Kazan, «Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences», 2012, pp. 193–208. (In Russian)

17. Mayorov A.V. Daniil Galitskiy i krestovyy pokhod v Prussiyu [Daniil Galitsky and the Crusade to Prussia]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal* [Rusin: International historical journal]. № 4/26. Kishinev, Obshchestvennaya organizatsiya “Rus”, 2011, pp. 26–43. (In Russian)

18. Mayorov A.V. *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa* [Rus', Byzantium, and Western Europe]. Seriya: Studiorum Slavicorum Orbis. Is. 1. St. Petersburg, “Dmitriy Bulanin”, 2011. 800 p. (In Russian)

19. Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonostsy i Rus'. Konets XII – 1270 g.* [Crusaders and Rus'. End of the 12th – 1270]. Moscow, Indrik, 2002. 488 p. (In Russian)

20. Nap'erskiy K.E. *Russko-livonskie akty = Russisch-Livländische Urkunden.* St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1868. xxiii + 462 p. (In Russian)

21. Paraska P.F. Politika Vengerskogo korolevstva v Vostochnom Prikarpat'e i obrazovanie Moldavskogo feodal'nogo gosudarstva [The Policy of the Hungarian Kingdom in the Eastern Carpathians and the Moldavian Feudal State]. *Historylib.org*, 1975. Available at: http://historylib.org/historybooks/pod-red--G-S--Grosula_Karpato-Dunayskie-zemli-v-Srezhnie-veka/4 (In Russian)
22. Pashuto V.T. *Obrazovanie litovskogo gosudarstva* [Formation of the Lithuanian State]. Moscow, AN SSSR, 1959. 531 p. (In Russian)
23. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoj Rusi* [Essays on the History of the Galicia-Volyn Rus']. Moscow, Akademiya Nauk SSSR, 1950. 331 p. (In Russian)
24. Sarnovskiy Yu. Protivostoyanie Nemetskogo ordena mongolam i turkam [The German Order's Confrontation with the Mongols and Turks]. *Evropa* [Europe]. Is. VIII. Tyumen, 2008, pp. 39–47. (In Russian)
25. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v politicheskoy sisteme Dzhuchieva ulusa (Ordy)*. *Dissertatsionnaya rabota na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Russian Princes in the Political System of the Ulus of Jochi (Horde). Thesis for the degree of Doctor of Historical Studies]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2014. 595 p. (In Russian)
26. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Tom 1. *Izvlacheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1. Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1884. 579 p. (In Russian)
27. Uzelac A. *Pod senkom psa. Tatari i juzhnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog: Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Beograd, Utopija, 2015. 324 p. (In Serbian)
28. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Vtoraya pandemiya chumy v Zolotoy Orde i ee posledstviya [Second Plague Pandemic in the Golden Horde and Its Consequences]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, «Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences», 2014, no. 4, pp. 96–112. (In Russian)
29. Cherkas B. *Zakhidni volodinnya Ulusu Dzhuchi: politichna istoriya, teritorial'no-administrativniy ustroi, ekonomika, mista. (XIII–XIV st.)* [Western Possessions of the Ulus of Jochi: Political History, Territorial-Administrative Structure, Economics, Cities (13th–14th centuries)]. Vidp. red. V. A. Smoliiy. NAN Ukraïni. Institut istorii Ukraïni. Kiïv, Institut istorii Ukraïni, 2014. 387 p. (In Ukrainian)
30. Cherkas B. *Sin'ovods'ka bitva 1362 roku: istorichniy naris* [The Battle of Blue Waters in 1362: A Historical Sketch]. Kiïv, Institut istorii Ukraïni, 2012. 127 p. (In Ukrainian)
31. Shabul'do F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The Southwestern Rus' Lands within the Grand Duchy of Lithuania]. Kiev, Naukova dumka, 1987. 183 p. (In Russian)
32. Shamil'oglu Yu. Chernaya smert' i ee posledstviya [The Black Death and Its Consequences]. *Istoriya tatar. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of the Tatars. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – the middle of the 15th centuries]. Kazan, «Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences», 2009, pp. 686–690. (In Russian)
33. Shchhaveleva N.I. K istorii vtorogo nashestviya mongolo-tatar na Pol'shu [To the History of the Second Tatar Invasion of Poland]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 307–314. (In Russian)
34. *Acta Alexandri P.P. IV (1254–1261) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.). *Fontes Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III, Vol. IV/2. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1960–1966. xxviii + 162 p.*

35. *Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Tăutu A.L. (ed.). Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VIII. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1958. xvi + 260 p.

36. *Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.). Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III, Vol. IV/1. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1962. xlv + 226 p.

37. *Acta Ioannis P.P. XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Tăutu A.L. (ed.). Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VII/2. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. xix + 302 p.

38. *Annales Augustani minores. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. X. Pertz G.H. (ed.). Stuttgart, Monumenta Germaniae Historica, 1852, pp. 8–11.

39. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii.* 37 Vols. Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis, L. Guerin, 1864–1883.

40. *Annales S. Stephani Frisingenses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XIII. Waitz G. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1881, pp. 50–60.

41. *Annales Sancti Rudberti Salisburgenses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. IX. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1851, pp. 760–810.

42. *Annales Sandivogii. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XXIX. Waitz G. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1892, pp. 424–430.

43. *Annales Wratislavienses antiqui et annales magistratus Wratislaviensis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XIX. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1866, pp. 526–531.

44. *Benedictus Polonus. Relatio.* Van den Wyngaert A. (ed.). *Sinica Franciscana.* Vol. I. *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV.* Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1929, pp. 135–143.

45. Berend N. *At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and “Pagans” in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300.* Cambridge, New York, Cambridge University Publ., 2001. xvii + 340 p.

46. *Bullarium Franciscanum.* Vol. 5. *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta.* Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p.

47. *Bullarium Franciscanum.* Vol. 6. *Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta.* Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p.

48. C. de Bridia. *Hystoria Tartarorum.* Önnorfors A. (ed.). Berlin, de Gruyter, 1967. x + 44 p.

49. *Chronica Heinrici Surdi de Selbach = Die Chronik Heinrichs Taube von Selbach.* Bresslau H. (ed.). Berlin, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1922. lxxvii + 167 p.

50. *Chronica Iohannis Vitodurani = Die Chronik Johannis von Winterthur.* Baethgen F., Brun C. (ed.). Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1924. xxxvii + 332 p.

51. *Chronica minor auctore minorita Erphordiensi. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XXIV. Waitz G. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1879, pp. 178–213.

52. *Chronicon fratris Salimbeni de Adam. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XXXII. Holder-Egger O. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1913, pp. 1–652.

53. *Chronicon Moguntinum.* Hegel K. (ed.). Hannoverae, impensis bibliopolii Hahniani, 1885. xxi + 103 p.

54. *Codex Diplomaticus Hungaricus Andegavensis = Anjoukori okmánytár*. 7 Vols. Nagy I. (ed.). Budapest, A Magyar tudományos akadémia, 1878–1891.
55. *Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae bullae pontificum nec non jura a privatis data ab antiquissimis inde temporibus usque ad annum 1506 = Kodex dyplomatyczny Polski*. Vol. I. Helcel A.Z., Muczkowski A., Rzyszczewski L. (eds.). Varsaviae, Strąbski, 1847. xxiii + 367 p.
56. *Codex diplomaticus Prussicus*. Vol. 3. Voight J. (ed.). Königsberg, Bornträger, 1848. xxiv + 200 p.
57. *Continuatio Altahensis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 408–416.
58. *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll'aiuto dei testi a penna*. Vol. 5. Gherardi Dragomanni F., Moutier I. (eds.). Milano, Borroni e Scotti, 1848. 594 p.
59. *Documente privitoare la istoria Românilor*. Vol. I. 1199–1345. Hurmuzaki E., Densuşianu N. (eds.). Bucureşti, Ed. Academiei Române, 1887. xxx + 701 p.
60. Fejér Gy. *Dissertationes in res Hungariae veteris historico-criticae*. 11 Vols. Budaë, Typis typogr. Regiæ Vniversitatis Vngaricae, 1829–1844.
61. *Fontes rerum Bohemicarum = Prameny dějin českých*. Vol. 4. Emler J. (ed.). Praha, Nakl. Nadání Františka Palackého, 1884. xxviii + 571 p.
62. *Fontes rerum Germanicarum = Geschichtsquellen Deutschlands*. 4 Vols. Böhmmer J.F., Huber A. (eds.). Stuttgart, J.G. Cotta'scher Verlag, 1843–1868.
63. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. Daffinà P., Leopardi Cl., Lungarotti M.C., Menestò E., Petech L. (eds.). Spoleto, Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989. viii + 522 p.
64. Gładysz M. *Forgotten Crusaders: Poland and the Crusader Movement in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2012. xxv + 433 p.
65. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.
66. Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itinerarium)*. Chiesa P. (ed.). Torino, Arnoldo Mondadori Editore, 2011. xcvi + 530 p.
67. Heinrici de Heimburg annales. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 711–718.
68. Hermanni Altahensis annales. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 381–408.
69. *Historiae Hungaricae fontes domestici*. P. 1. *Scriptores*. Vol. 3. Florianus M. (ed.). Quinque-Ecclesiis [Pécs], Taizs, 1884. v + 276 p.
70. *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Vol. VII–VIII. Varsaviae, Wydawn. Nauk. PWN, 1975. 431 p.
71. *Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. 2 Vols. Schneider F. (ed.). Hannoverae, Lipsiae, Impensis bibliopolii Hahniani, 1909–1910.
72. Jackson P. *Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255). The Cambridge Companion to Francis of Assisi*. Robson M.J.P. (ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 224–239.
73. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, UK, Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv + 414 p.
74. Jackson P. *The Dissolution of the Mongol Empire. Central Asiatic Journal*. № 22. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1978, pp. 186–244.
75. *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa*. Vol. I. Krakowie, Nakl. Akademii Umiejtnosci Krakowskiej, 1879. lxxx + 370 p.

76. Luard H.R. *Annales monastici*. 5 Vols. London, Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864–1869.
77. Lupprian K.-E. *Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981. 328 p.
78. Maier Ch.T. *Preaching the Crusades: Mendicant Friars and the Cross in the Thirteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. x + 202 p.
79. Melloni A. *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della Cristianità come Regimen Unius Personae*. Genova, Casa Editrice Marietti, 1990. x + 311 p.
80. Menkonis chronicon. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XXIII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1874, pp. 523–561.
81. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. 4 Vols. Strigonii, Budapestini, Typis descriptis Aegydius Horák, Archivum Primatiale, 1874–1999.
82. *Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski*. 6 Vols. Bielowski A. (wyd.). Warszawa, Państwowe Wydawn. Naukowe, 1960–1961.
83. *Monumenta Poloniae historica, Series nova = Pomniki dziejowe Polski, Seria 2*. Kraków, Polska Akademia Umiejętności, 1946.
84. *Monumenta Poloniae Vaticana*. Vol. 3 *Analecta Vaticana: 1202–1366*. Ptaśnik J. (ed.). Cracoviae, Academia Litterarum Cracoviensi, 1914. lvi + 572 p.
85. *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*. Vol. 2. Zagrabiae, Župan (Albrecht et Fiedler), 1870. xxxvi + 464 p.
86. *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellenschriften deutscher Geschichten des Mittelalters*. Band 2. Berlin, Weidmann, 1877.
87. Pelensky J. The Contest between Lithuania and the Golden Horde in the fourteenth century for Supremacy over Eastern Europe. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. № 2. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1982, pp. 303–320.
88. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. *Revue de l'Orient chrétien*. № 8/28. Paris, Bureau des oeuvres d'Orient, 1931, pp. 3–84.
89. *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. 1. *Die Bildung des Ordensstaates*. Hälfte 1. Philippi R. (hrsg.). Königsberg i. Pr., Hartung, 1882. 240 p.
90. *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. 1. *Die Bildung des Ordensstaates*. Hälfte 2. Seraphim A. (hrsg.). Königsberg i. Pr., Hartung, 1909. xiii + 724 p.
91. Rachewiltz Igor de. *Papal Envoys to the Great Khan*. London, Faber, 1971. 230 p.
92. *Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica = Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikái jegyzéke*. II. Köt. 4. Füz. 1290–1301. Szentpétery I., Borsa I. (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1987. 336 p.
93. *Les Registres d'Urbain IV*. 4 Vols. Guiraud J. (ed.). Paris, De Boccard, 1899–1901.
94. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p.
95. Richard J. Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis a Sartaq. *Journal des Savants*. Paris, Académie des inscriptions & belles-lettres, 1977, pp. 49–61.
96. Rodenberg C. *Epistolae saeculi XIII regestis pontificum romanorum selectae*. 3 Vols. München, Monumenta Germaniae Historica, 1982.
97. Salimbene di Adam. *Cronica*. Nobili C.S. (ed.). Roma, Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2002. xxviii + 1215 p.
98. *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. 5 Vols. Hirsch Th., Töppen M., Strehlke E.G.W. (eds.). Leipzig, Hirzel, 1861–1874.
99. Sinor D. John of Plano Carpini's Return from the Mongols: New Light from a Luxemburg Manuscript. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. № 3–4. Cambridge, UK, Cambridge University Publ., 1957, pp. 193–206.

100. Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV. *Cahiers d'Histoire Mondiale*. № 3. Paris, Librairie des Meridiens, 1956, pp. 39–62.

101. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*. Milano, Vita e pensiero, Pubblicazioni Dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p.

102. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2009. xvii + 545 p.

103. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland 1223–1502*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1965. xviii + 638 p.

104. Strayer J.R. The Political Crusades on the Thirteenth Century. *A History of the Crusades*. Vol. II. *The Later Crusades, 1189–1311*. Setton K.M., Wolff R.L., Hazard H.W. (eds.). Madison, University of Wisconsin Publ., 1969, pp. 343–375.

105. Szcześniak B. Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relation and the Vinland Map. *Journal of the American Oriental Society*. № 86/4. New Haven, American Oriental Society, 1966, pp. 373–376.

106. Szentpétery I. *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini, Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938.

107. Theiner A. *Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia*. 2 Vols. Romae, Typ. Vaticanis, 1859–1860.

108. Theiner A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita*. 4 Vols. Romae, Typis vaticanis, 1860–1864.

109. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*. 2 Vols. Zimmermann F., Warner C. (eds.). Hildesheim, Zürich, New York, Georg Olms Verlag, 2007.

110. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R.A., Marston Th.E., Painter G.D. (eds.). New Haven, Yale University Press, 1965. xii + 291 p.

111. Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255. *The Collected Works of Eric Voegelin*. Vol. 10. *Published Essays 1940–1952*. Sandoz E. (ed). Columbia and London, University of Missouri Press, 2000, pp. 76–125.

112. Wenzel G. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus = Árpádkori új okmánytár*. 12 Vols. Pest, Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1860–1874.

113. Zimmermann H. *Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung*. Köln, Böhlau Verlag, 2011. xi + 246 s.

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humainites, University of Oulu (1, Pentti Kaiteran Str., Oulu 90014, Finland). E-mail: virisequisque@hotmail.com

Received March 31, 2016

Accepted for publication June 5, 2016